

к 63.3/е1
к 65 - пфз

Д. И. КОПЫЛОВ

ЕРМАК

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

13.11.14.

Ермак. Портрет неизвестного художника. Железо. Масло.
Тобольский музей.

Д. И. КОПЫЛОВ

63.3(2)
к. 1 K55-3

ЕРМАК

-71567-
x
✓

ПО Красноуральская
ЦС

Красноуральская
центральная
библиотека

Свердловск,
Средне-Уральское Книжное Издательство,
1974

A△⊕

9 (с17)
К 55

О Ермаке написаны сотни книг, брошюр и статей. О нем писали историки, прозаики, драматурги и поэты.

Новая книга историка Д. И. Копылова в популярной и яркой форме рассказывает о личности народного героя и его знаменитом походе в Сибирь. Автор основывается на современных достижениях исторической науки и по-новому решает многие спорные вопросы о происхождении Ермака и другие проблемы его биографии.

К $\frac{66-080}{M158(03)-74}$

Средне-Уральское
Книжное Издательство,
1974

*...И по смерти нашей память наша
не оскудеет в тех странах, и слава
наша вечна будет.*

Строгановская летопись

АТАМАН ВОЛЖСКОЙ ВОЛЬНИЦЫ

О Ермаке написаны сотни книг, брошюр и статей, авторами которых являются профессиональные историки, писатели, драматурги, поэты. О личности народного героя, его знаменитом походе в Сибирь идет дискуссия, которая началась еще в XVII веке и не закончилась поныне. Но наши знания о Ермаке остаются до сих пор неполными и противоречивыми. «Истории принадлежат только последние пять или шесть лет его жизни... Предшествовавшие тому обстоятельства его жизни, равно как и его происхождение, столь же неизвестны, как неведома его могила»¹.

Причина заключается в том, что наука не располагает необходимыми документальными материалами. Основным источником наших знаний о жизни и деятельности Ермака являются истори-

¹ И. Шульгин. Происхождение казачества на южном рубеже Руси, появление Ермака и завоевание им царства Сибирского. «Труды Императорской Российской академии», ч. 5. СПб, 1842, стр. 238.

ческие повести XVII—XVIII веков, именуемые Сибирскими летописями. Важнейшие из них — «О Сибирской стране, како соизволением божиим взята быст от русского полка, собранного и водимого атаманом Ермаком Тимофеевичем и своєю храброю и предоброю дружиною и со единомысленною» (Есиповская летопись) дьяка Сибирской архиепископии Саввы Есипова, «Повесть о взятии Сибирской земли» (Строгановская летопись) неизвестного автора первой половины XVII века, «Летопись Сибирская, краткая Кунгурская», дошедшая до нас в виде вставок в Ремезовскую летопись, «Описание новые земли Сибирского государства»¹, «История Сибирская» (Ремезовская летопись) тобольского сына боярского С. У. Ремезова и «Новая Сибирская история» тобольского ямщика И. Л. Черепанова. Написанные главным образом по рассказам (письменным и устным) очевидцев и участников походов Ермака много лет спустя после событий исторические повести, естественно, не могут дать абсолютно точных сведений и сами нуждаются в проверке историческими документами. В источниках такого рода неизбежны смещения событий во времени, искажения имен, расхождения в описании подробностей и оценке одних и тех же явлений и фактов. Малозначашие для исследования крупных исторических проблем недостатки эти становятся весьма существенными, когда речь идет о написании биографии исторического деятеля.

Летописи, несколько царских грамот и недавно найденный Синодик Ермаковым казакам — вот весь круг источников, из которых мы черпаем сведения о Ермаке. Они не содержат бесспорно достоверных известий ни о происхождении, ни о жизни нашего героя до появления его на реке Чусовой.

¹ По мнению А. И. Андреева, автором «Описания новые земли Сибирского государства» был подьячий Посольского приказа Никифор Венюков. (См.: А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, XVII век. М.—Л., 1960, стр. 69.)

До сих пор остается неизвестным подлинное имя Ермака. Большинство летописей называют его волжским казаком Ермаком Тимофеевым сыном Поволским. Некоторые из них считают Ермака донским казаком. В Черепановской летописи он назван Василием, выходцем откуда-то с Нижней Чусовой. Официальный документ — царская грамота Строгановым 16 ноября 1582 года — именует его волжским атаманом Ермаком.

Разноголосица источников перешла в историческую литературу. Историки дали Ермаку 7 имен: Ермак, Ермолай, Герман, Ермил, Василий, Тимофей и Еремей. Для одних он волжский, для других донской казак. Историк войска Донского В. Броневский без ссылок на документы писал о Ермаке как уроженце донской станицы Качалинской. В списке атаманов, приложенном к «Краткой летописи Донского казачьего войска», опубликованной в «Донском календаре» за 1876 год, Ермак Тимофеевич упоминается среди атаманов за 1579—1584 годы, но опять-таки без всяких документальных свидетельств.

В книжке «Жизнь и военные деяния Ермака, завоевателя Сибири, выбранные из российских и иностранных писателей», вышедшей в начале прошлого века в Москве, версия о происхождении Ермака из донских казаков обросла подробностями романтического свойства. В ней сообщается, что Ермак родился «в обширных странах, лежащих между Волгою и Доном, от простого казака именем Тимофея». Будучи юношей, он отличался храбростью и проворством на войне и охоте, чем обратил на себя внимание начальства. Его дружбы искал даже сын казачьего атамана Хорлу. Но случай в самом начале разрушил так счастливо складывающуюся жизнь. Молодой повеса питал слабость к прекрасному полу и нередко в общении с ним переступал границы приличия. Однажды Хорлу застал его в роще на интимном свидании со своей сестрой и пытался убить, однако в запальчивости наткнулся на собственную саблю и смертельно ранил себя. Ермак, получивший легкое

ранение в руку, счел за лучшее оставить Дон и бежать на Волгу. На пути в Астрахань встретился с купеческим караваном, шедшим из Персии в Казань. Крепкий юноша приглянулся купцам, и они взяли его в число вооруженной команды. Недалеко от Казани на караван напала шайка разбойников и, уничтожив охрану, разграбила его. Ермак в этом сражении проявил такую отвагу, что пираты пощадили его жизнь, а потом избрали своим атаманом¹.

Несмотря на то что в пользу этой и подобных ей версий не говорит ни один источник, гипотеза о донском происхождении Ермака упорно держалась в исторической литературе. Более того, она считалась настолько вероятной, что донское казачество в конце прошлого века решило даже поставить памятник Ермаку как своему замечательному земляку.

В начале 90-х годов XIX века уральскому историку А. Дмитриеву удалось найти новый летописный памятник «Сказание Сибирской земли», содержащий, на наш взгляд, наиболее достоверные сведения о происхождении Ермака и о его жизни до похода в Сибирь². В нем говорится, что дед Ермака Афанасий Григорьев сын Аленин был посадским человеком старинного русского города Суздаля. В один из лихих неурожайных годов семья Алениных переехала на житье во Владимир. Афанасий Аленин промышлял извозом. Владимирские ямщики в те годы возили купеческие клади в Москву, Вологду, Кострому, Ярославль, Нижний Новгород. На Руси не было более бойкого и тароватого племени, чем ямщики. В отличие от своих собратьев, крестьян и ремесленников, они много странствовали и много знали. Случалось, на лесных дорогах встречали ямщики беглых людей, которые жили грабежом боярских имений и богатых купцов, и подряжались возить их воров-

¹ Жизнь и военные деяния Ермака, завоевателя Сибири, выбранные из российских и иностранных писателей. М., 1807, стр. 7.

² Сибирские летописи. СПб, 1907, стр. 296—306.

ские клады. С такими «ворами» (по официальной терминологии того времени) сошелся и Афанасий Аленин, человек смелый и решительный, но во время одной из облав в муромском лесу был схвачен и посажен в тюрьму. По жестоким законам тех лет «воров» и их сообщников ждала смертная казнь, Аленину, однако, удалось бежать и вместе с семьей поселиться в небольшом городке Юрьевце Поволском¹. Возможно, название последнего и закрепилось за семьей Алениных.

После смерти Афанасия дети его Родион и Тимофей «от скудости» сошли на реку Чусовую, в вотчины купцов и промышленников Строгановых. Оба брата имели семьи. В семье Родиона росли сыновья Дмитрий и Лука, у Тимофея — Гаврила, Фрол и Василий. Вероятно, в семьях имелись и женщины, но летописец не считал нужным увековечить их имена в своем «Сказании».

Младший сын Тимофея Аленина Василий и стал позднее знаменитым Ермаком. «И оной Василей был силен и велеречив, и остр». Подобно деду и отцу, Василий Аленин занимался свозом купеческих грузов, но в отличие от них возил товары не на подводках, а на судах. Строгановы вели обширный торг хлебом, солью и пушными товарами. В отдельные годы они отправляли по Волге в Астрахань до 16 тысяч пудов муки, овса, круп и толокна. Здесь, на Волге, Василий столкнулся с понизовой вольницей — волжскими казаками. Волга, Дон и Днепр в XVI веке принимали со всей Руси и Украины беглых людей. На их вольных берегах находили пристанище бежавшие из боярской неволи холопы, крепостные крестьяне, разорившиеся посадские.

Летопись умалчивает, каким путем и при каких обстоятельствах Василий Аленин променял тяжелую долю судового работника на вольную, но полную опасности жизнь казака. Возможно, вспомнились ему рассказы деда о добрых

¹ Ныне районный центр Ивановской области.

молодцах из муромских лесов, или, покарав несправедливого приказчика, он ушел на Волгу от сурового возмездия.

Летописец лаконично сообщает: «Ходил у Строгановых на стругах в работе по рекам Каме и Волге и от той работы принял смелость, и прибрав себе дружину малую, и пошел от работы на разбой, и от них звашеся атаманом, прозван Ермаком, сказуется дорожной артельной таган, а по-волски — жерновой мельнец ручной»¹.

Этот рассказ подтверждают некоторые другие источники. Голландец Николай Витсен в книге «Северная и Восточная Татария» называет Ермака с чьих-то слов «бравым казаком, родом из Муром»². Академик Фальк, путешествовавший по Сибири в XVIII веке, пишет в своих «Записках»: «Завоеватель Сибири Тимофей был сыном бедного суздальского купца». По сведениям уральского краеведа И. Я. Кривошекова, фамилия Алениных еще в начале XX века встречалась в деревнях по реке Чусовой. Уральские легенды и сказы называют Ермака местным жителем³.

Расхождению летописей по поводу того, являлся ли Ермак атаманом волжских или донских казаков, можно дать двоякое объяснение. Ермак со своими станичниками действовал на Волге и на Дону, поэтому с полным основанием мог именоваться как волжским, так и донским атаманом. Возможно также, что в понизовой вольнице имя Ермак носили несколько атаманов, один из которых мог быть родом и из донской станицы.

Какое бы имя ни получил атаман при крещении, сподвижники называли его Ермаком, и ни на какое другое имя он не отзывался. Под этим именем Ермак был записан в

¹ Сибирские летописи, стр. 305—306.

² Э. П. Зиннер. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968, стр. 14.

³ В. В. Мухин. Ермак Тимофеевич. Пермь, 1957, стр. 6—7.

Синодик (поминовение) Софийского собора в Тобольске, который составлялся со слов его казаков в 1622 году¹.

Более или менее достоверные известия о Ермаке начинаются с его жизни на Волге. На великой русской реке Ермак действовал уже в середине 70-х годов XVI века. В те времена Волга являлась главной торговой магистралью, ведущей из Центральной Руси на юго-восток, в Среднюю Азию, Персию и на Кавказ. После присоединения Казани и Астрахани значение ее особенно возросло. Кроме русских купцов по ней ходили за Каспий иностранные гости. В частности, с 1563 года по Волге регулярно снаряжались торговые экспедиции английской Московской компании в Персию. В этих экспедициях была заинтересована сама английская королева Елизавета Тюдор, державшая пай в капитале компании. Вниз по Волге сплавливали на судах русские меха, английские и фландрские разноцветные сукна, оловянную посуду, мелкие металлические изделия, кожи. Из Персии везли шелка, великолепные ковры, специи и красители.

Здесь, на волжских просторах, на страх русским и иноземным купцам развернул свою деятельность Ермак. К 1577 году он стал старейшиной волжских атаманов². С ним держали совет, ему подчинялись все прочие атаманы, меньшие «рангом». Чтобы завоевать такую популярность и авторитет среди видавших виды, дерзких и отважных казаков, нужно было обладать исключительными качествами. Сибирские летописи, весьма скупые при оценке личных достоинств казацких атаманов, говорят о Ермаке как о человеке, обладавшем недюжинной физической силой, природным умом, способностями организатора, железной волей и большим даром убеждения. Волжская

¹ Е. К. Ромодановская. Синодик ермаковым казакам. Известия Сибирского отделения АН СССР, вып. 3, № 11, серия общественных наук, 1970, стр. 20—21.

² Сибирские летописи, стр. 308.

Отъезд Ермака в Сибирь. Гравюра с рисунка художника Савицкого.

вольница по достоинству оценила эти качества, отшлифовала его характер и воспитала в нем лучшие гражданские чувства. Он превыше всего ценил свободу, люто ненавидел холопство и в этом своем качестве являлся прямым предшественником Степана Разина.

Англичанин Джон Белл, состоявший на русской дипломатической службе при Петре I, в своих дневниках писал о Ермаке Тимофеевиче: «В короткое время стал он весьма славным и сильным, ибо грабил только богатых и, по необыкновенному великодушию людей его ремесла, наделая бедняков. Не умерщвлял он и не ранил ни одного человека, разве защищая только самого себя. Сей поступок

приобрел ему такое прославление, что все празднующиеся, не имеющие звания люди вступили к нему в сообщество, с охотою подчиняя себя власти столь великодушного и неустрашимого начальника»¹.

Далеко не случайно народный эпос отвел Ермаку почетное место в замечательной плеяде богатырей земли русской, назвав его младшим братом могучего и справедливого Ильи Муромца.

До нас не дошел ни один живописный портрет Ермака, да и вряд ли они существовали при его жизни. Портретов с «воров» и «разбойников», разумеется, никто не писал, а когда к Ермаку пришла официально признанная слава, его уже не было в живых². Летописи же описывают внешность атамана очень скупо и лаконично: среднего роста, широкоплеч, узкое (по-тогдашнему плоское) лицо, обрамленное темной бородой, густые, слегка вьющиеся волосы, светлые (голубые или серые) глаза; весьма подвижен и скор в движениях. Во время похода в Сибирь ему было 35—40 лет. С. У. Ремезов сообщает о Ермаке: «Бе бо вельми мужествен и разумен и человечен, и зрачен и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою и власы, прикудряв, возраст средний, и плоск, плечист»³.

Как и прочие волжские и донские атаманы, Ермак предпочитал сражаться на стругах. К этому побуждал и сам характер его ремесла: купцы перевозили свои товары на судах под усиленной охраной. Чтобы захватить купеческий караван, нужно было владеть тактикой судового боя, и Ермак отлично владел этой тактикой. Не гнушался атаман и засад на сухопутных торговых путях. Иногда захват каравана сопровождался настоящим сражением. В 1573 году, например, в нападении на английские суда близ Аст-

¹ Э. П. Зиннер. Указ. соч., стр. 45—46.

² Из живописных портретов, написанных после смерти Ермака, лучшим является портрет, выполненный Брюловым согласно указаниям Ремезовской летописи о внешности Ермака.

³ Сибирские летописи, стр. 344.

рахани участвовало 150 человек. Нападающие потеряли в перестрелке и рукопашной схватке 14 человек убитыми и 30 ранеными. Англичане вынуждены были для спасения своих жизней отдать суда со всеми товарами¹.

В подобных сражениях мужала казацкая доблесть. Отряд Ермака отличался крепкой товарищеской спайкой и строгой дисциплиной, которые обеспечивали ему успех во всех делах. Скоро весть о храбром и удачливом атамане разнеслась по всей Волге и Дону. В его стан стекались удалые казаки, беглые холопы, не желавшие терпеть боярского ярма. По одним данным, у Ермака на Волге насчитывалось 500, по другим — 5000 казаков. Вероятно, последняя цифра грешит большим преувеличением. В головном отряде, которым командовал сам Ермак, едва ли было более 300—400 человек.

Непоработенными воинами называл казаков А. Н. Радищев², и это название как нельзя лучше определяло сущность волжской вольницы.

Почти вся нижняя и средняя Волга от Астрахани до Казани находилась под контролем «самовольных» казаков. Легкие струги Ермака появлялись на Оке и Каме. Летописец отмечал, что Ермак «на Волге из Астрахан в Московское государство в проезде путь всякого чина людям со всяким товаром возбраниша и проезду не даша»³. Особенно богатая добыча ждала казаков при захвате посольских караванов. Царь Иван IV, перечисляя в грамоте «вины» Ермака и его казаков, гневно указывал, что они побили на Волге ногайских послов, чем осложнили отношения с Ногайской ордой, грабили и побивали ордобазарцев и русским купцам «многие грабежи и убытки чинили»⁴. Доводилось Ермаку и царскую казну «шарпать».

¹ Г. Красинский. Покорение Сибири и Иван Грозный.— «Вопросы истории», 1947, № 3, стр. 92.

² А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 2. М.—Л., 1941, стр. 149.

³ Сибирские летописи, стр. 368.

⁴ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 1. М.—Л., 1937, приложение № 7.

Не удовлетворяясь добычей на Волге, казаки выходили на судах в Каспийское море и там встречали караваны персидских послов. По словам кунгурского летописца, Ермак с 7000 казаков одно время намеревался плыть в Персию «для своей власти», т. е. чтобы завоевать страну и утвердиться на персидском троне¹. Однако этому сообщению едва ли можно верить: при всем честолюбии замыслы Ермака едва ли доходили до таких пределов. Как покажут последующие события, Ермак был трезвым и реалистичным в своих планах атаманом.

Низовая вольница, предводительствуемая столь грозным и храбрым атаманом, вызвала беспокойство в Москве. Высылаемые против Ермака мелкие карательные отряды неизменно терпели поражение. Чтобы покончить с казаками, царь отправил на Волгу большое войско под командой воеводы стольника И. Мурашкина «на судах и по суше на конях». Кроме стрелкового оружия у него были пушки. Воевода получил указ повсюду, где возможно, хватать «воров», пытаться их и вешать. Аналогичный указ был послан в Астрахань. На нижней Волге учредили пять воинских застав. По свидетельству англичан, в 1579 году астраханский гарнизон был доведен до 2000 человек².

Ермак, имевший по всей Волге свои «глаза и уши», заблаговременно узнал о карательной экспедиции и принял меры. Было бы безумием для казаков выступить против вооруженного пищалями и пушками стрелецкого войска. Ермак со своими товарищами поднялся по Волге до Самарской луки и укрылся в лесах неподалеку от устья речки Самары. Часть казаков со своими атаманами ушли на Яик и Дон. Для решения вопроса, что делать дальше, по казацкому обычаю был созван большой круг. Голоса на нем разделились: одни предлагали остаться на Волге и переждать в лесах лихолетье, другие — сняться с Волги

¹ Сибирские летописи, стр. 313.

² Г. Красинский. Указ. соч., стр. 93.

и уйти на Дон или Яик. Выслушав горячие речи, Ермак отверг все варианты. «Думайте думу, братцы, с целого ума, чтоб нам не продуматца,— передает его речь летописец,— на Волге нам жить — ворами слыть, а на Дону нам жить — казаками слыть, а на Яик итти — переход велик, а се добычи нет»¹. Напомнил атаман о царском указе, грозившем каждому казаку виселицей, и предложил перейти в покрытый лесами бассейн Камы. Привлекательность этого предложения состояла прежде всего в том, что за Камой не было царских воевод. Многие казаки раньше бывали там и знали, по крайней мере, в общих чертах обстановку. Населявшие край манси, ногаи и башкиры могли стать хорошим объектом для казачьих походов. Поэтому большинство казаков поддержало атамана. Немаловажную роль в принятии решения сыграло прибытие в стан Ермака послов от купцов Строгановых.

НА УРАЛЕ

В XVI веке Приуралье и самый Урал являлись районом русской колонизации, особенно усилившейся после ликвидации Казанского ханства. Поток поселенцев шел из Центральной и Северо-Восточной Руси. Во всей Пермской земле, как назывался этот край, не было более могущественного и богатого дома, чем дом купцов Строгановых. Строгановы еще в XV веке осели в Соли Вычегодской, где владели соляными варницами. Один из основателей знатного рода Лука Строганов в 1445 году прославил себя тем, что участвовал в выкупе из татарского плена великого князя московского Василия Васильевича Темного². Великие князья, а затем цари всегда помнили

¹ Сибирские летописи, стр. 56.

² В. Шишонко. Пермская летопись с 1263 по 1881 год. Пермь, 1881, стр. 43—44.

об этом и неизменно оказывали Строгановым свое высокое покровительство. В 1558 году Иван IV Грозный пожаловал Григорию Строганову земли по реке Каме¹. На 20 лет Строганов и его наследники освобождались от всяких платежей и поборов с новых владений. Им разрешался беспошлинный торг с приезжими купцами солью, пушниной и другими товарами. Для заселения пустопорожных мест царь дозволял принимать нетяглых и неписьменных людей (т. е. свободных от крепостной зависимости), а «для береженья от ногайских людей и от иных орд» ставить городки с пушками, пищеями и воинскими людьми.

Вотчина Строгановых изымалась из юрисдикции пермских наместников. Судом и расправой над слободскими людьми ведали сами Строгановы. В случае возникновения каких-либо претензий к ним со стороны жителей других городов истцам надлежало брать управные грамоты в Москве и по ним «ставитца» перед царскими казначеями для разбора дела, т. е. судить и наказывать пермских вотчинников волен был только сам царь или те сановники, которым он поручит. Царским послам по приезде в Пермь Великую или Сибирь запрещалось в льготные годы брать у Строгановых бесплатно корм и требовать проводников. Такими широкими привилегиями не пользовался ни один русский купец.

В том же 1558 году Строгановы поставили первый городок на Каме, назвав его Канкором. Городок обнесли деревянной стеной, поселили в нем набранных в русских городах нетяглых людей и вольных казаков. Для «огненного боя» царь дозволил им сварить 30 пудов селитры².

10 лет спустя Яков Строганов получил вторую жалованную грамоту на земли и соляной промысел по реке Чусовой³. Как и по первой грамоте, Строгановы получили

¹ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., приложение № 2.

² В. Шишонко. Указ. соч., стр. 48—49.

³ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., приложение № 3.

право «у того соленого промыслу крепости поделати собою, городок и варницы поставити, и людей назвати неписьменных и нетяглых, и городской наряд скорострельной, пушечки и затинные и ручные пищали учинить, и пушкарей, и пищальников, и кузнецов, и плотников, и воротников устроить, и сторожей держати собою ж для приходу нагайских людей и иных орд».

По двум царским грамотам Строгановы получили свыше 7,5 млн. десятин земли. В 1564 году они построили на Каме Орел-городок (Каргедан), а в 1568 году городок на реке Чусовой, в 100 верстах от Камы.

По образному выражению историка А. А. Введенского, «Строгановы являли собою более не повторяющийся тип и русских Фуггеров, и русских Пизарро, и Кортеса одновременно»¹. Подобно немецким Фуггерам, они владели крупнейшими в стране соляными варницами и вели обширную торговлю. Как испанские конкистадоры, Строгановы на свой страх и риск захватывали земли, вели постоянную борьбу с местными нерусскими племенами.

Пермская вотчина Строгановых была форпостом Московского государства на северо-востоке и базой продвижения на Урал и далее в Сибирь. В 1572 году Иван IV в грамоте на Каму разрешил Якову и Григорию Строгановым посылать ратных людей на черемисов, башкир, хантов, манси и приводить их к покорности². Поводом послужил набег кочевников на русские поселения по Каме и истребление ими 87 торговых людей и работников. Царь повелел Строгановым набрать «охочих» казаков, выбрать из их числа голову, переписать и списки представить в Москву для сведения. В помощь русским людям разрешалось брать на воинскую службу хантов и манси, присягнувших на верность России.

¹ А. А. Введенский. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962, стр. 18.

² Г. Ф. Миллер. Указ. соч., приложение № 4.

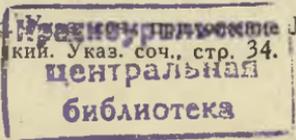
В 1574 году Строгановы испросили новую привилегию на землю за Югорским Камнем, по реке Тоболу и его притокам¹. В отличие от предыдущих грамота 30 мая 1574 года не определяла точно границ вновь пожалованных земель. В ней указывалось: «Яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руссии Якова да Григорья Оникиевых детей Строганова, по их челобитью, пожаловал: на Тахчах и на Тоболе реке крепости им поделати и снаряд вогняной, и пушкарей, и пищальников, и сторожей от сибирских и от нагайских людей держати, и около крепостей у железного промысла, и у рыбных ловель и у пашен по обе стороны Тобола реки и по рекам и по озерам и до вершин дворы ставити, и лес сечи, и пашня пахать и угодьи владети».

Пермские купцы-промышленники, по существу, получили открытый лист на весь район Зауралья. Особенно примечательна в этом отношении заключительная фраза грамоты: «Также есми Якова и Григория пожаловал: на Иртыше и на Оби и на иных реках, где пригодитца, для береженья и охочим на опочив крепости делати и сторожей с вогняным нарядом держати». Эта фраза, должно быть, появилась в грамоте без просьбы Строгановых. Она выражала скорее благое пожелание, чем реальное пожалование, так как земли, о которых в ней шла речь, принадлежали Сибирскому ханству.

Строгановы хорошо сознавали, что их благополучие зависело от благосклонности и покровительства царя. По их просьбе в 1566 году Иван Грозный взял Строгановых со всеми вотчинами в опричнину. Они охотно выполняли поручения царя, закупая для него пушнину. Во время набега крымских татар на Москву (1572 г.) в Соли Вычегодской на средства Строгановых была набрана тысяча казаков и с пищалами и всем припасом отправлена на южную границу, к Серпухову¹.

¹ Г. Ф. Миллер. *Историческое описание Сибири* № 5.

¹ А. А. Введенский. *Указ. соч.*, стр. 34.

К 1574 году в Пермской вотчине числились один городок, 39 деревень и починков с 203 дворами и один монастырь (Пыскорский), а через пять лет — 4 городка, 39 деревень и починков с 352 дворами¹. Строгановские люди, как говорится в документе, «дворы ставили, дашни распахивали, пожни расчищали, в реках и озерах рыбы ловили», и где обнаруживался соляной «рассол», «там варницы ставили и соль варили, и трубы соляные и кладези делали, и дрова секли к соляному варению». В 1579 году только под Орлом-городком насчитывалось 7 действующих и 6 пустых варниц².

Работных и крепостных людей Строгановы получали из разных источников. В Устюге Великом и Вологде нанимали для полевых работ «казачих работниц» и ярыжек на соляные суда. В московских тюрьмах скупали пленных, которых в избытке давала многолетняя Ливонская война. Пленников покупали также у соседних ногаев, черемисов и башкир. К Строгановым в неволю попадали по крепостям русские крестьяне, посадские люди, а также немало местных коренных жителей — манси, хантов и татар. Среди этого подневольного и разноязычного люда имелись мастера различных профессий: судостроители, рудознаты, кузнецы, оружейники, плотники и даже переводчики и врачи. По подсчетам А. А. Введенского, в вотчинах Строгановых на Каме и Чусовой в начале XVII века было до 3 тысяч человек, а с сезонными транспортными рабочими, грузчиками, дровосеками — не менее 6 тысяч наемных и крепостных людей³.

Могущество дома Строгановых держалось как на соляных промыслах, так и на обширной торговле мехами, рыбой, хлебом, скотом и другими товарами. Его торговые

¹ А. Дмитриев. Пермская старина. Строгановы и Ермак. Вып. IV. Пермь, 1892, стр. 88—89.

² В. Д. Назаров. Зауральская эпопея XVI века. — «Вопросы истории», 1969, № 12, стр. 108.

³ А. А. Введенский. Указ. соч., стр. 39.

фактории находились на Кольском берегу, Северной Двине, в Печорском крае, на Волге. Строгановы вели заграничную торговлю¹. Около 1577 года голландец Брюнель приезжал в Дордрехт с грузом строгановской пушнины. Их приказчики выезжали через Астрахань в Бухару для покупки среднеазиатских товаров.

Стремясь расширить свои владения на Урале, Строгановы теснили коренных жителей, которые оказывали им все возрастающее сопротивление. Манси и ханты нападали на строгановские поселения, жгли дворы, убивали и уводили в полон свободных людей. Для защиты своих вотчин и приведения в покорность беспокойных соседей солепромышленники держали в острогах ратных людей. Как говорилось выше, царь разрешил им принимать на службу лично свободных крестьян, «охочих» казаков и вообще всех, кто не был связан тяглом и крепостью и не запятнал себя «воровством» и «разбоем». Последнее условие, однако, Строгановы не соблюдали и брали в остроги всех, изъявивших желание служить им.

Весной 1579 года, прослышав о боевой славе Ермака, Строгановы решили взять его на свою службу. 6 апреля строгановский посланец прибыл на ермаковский стан с грамотой и дарами². Грамота до нас не дошла, но можно предполагать, что в ней шла речь об охране пермских земель от набегов соседних племен. Как уже сказано, Ермак и казаки приняли предложение, но отправились на Каму только в начале лета, когда посланные атаманом гонцы сумели известить рассыпавшиеся по всей Волге и Дону «воровские» отряды.

Согласно Строгановской летописи, отряд Ермака, поднявшись на стругах вверх по Каме, 28 июня прибыл в Орел-городок. Владельцами пермских вотчин в то время были Семен Аникиев сын Строганов и его племянники

¹ Г. Красинский. Указ. соч., стр. 82, 92.

² Сибирская летопись, стр. 8.

Никита Яковлев и Максим Григорьев. Переговоры с Ермаком, видимо, вели Семен и Максим Строгановы. Никите едва минуло 17 лет. Нерешительный, склонный к меланхолии юноша не интересовался ратными делами. К тому же его доля владений — Орел с уездом — не граничила непосредственно с хантейскими и мансийскими племенами.

Вместе с Ермаком к Строгановым прибыли известные по всей Волге атаманы: темпераментный богатырь, одно имя которого приводило в трепет купцов, Иван Гроза, бесстрашный Матвей Мещеряк, энергичный и подвижный Яков Михайлов, всегда спокойный и уравновешенный Никита Пан и общий любимец юный Богдан Брязга. Не было только первого сподвижника Ермака, «первого в думе и сечах» Ивана Юрьева Кольцо. Как можно заключить из царской грамоты, он не закрыл еще счета на Волге и вместе с атаманами Митей Бритоусовым и Барбошей завершал финальное дело казацкой вольницы — громил на реке Яик столицу ногайского князя Уруса Сарайчик. Ногайский правитель жаловался Ивану IV: «...приходили-де государевы казаки сего лета и Сарайчик воевали и сожгли». Разгневанный самодержец, не желавший ссоры с Ногайской ордой, указом во «все украинные города» велел изловить «воров», доставить в Москву и в присутствии ногайского посла повесить¹. Но смертный приговор не был исполнен. Иван Кольцо, минуя заставы, тайными тропами пробрался на Каму и перед самым походом в Сибирь присоединился к ратникам Ермака.

Строгановы встретили казаков «с честью и даяху им дары многи и брашны и питии изобилно их наслаждаху»². Давно не гуляла так шумно и беззаботно казацкая вольница! Впервые за много лет можно было отдаться веселью, не опасаясь внезапного нападения царских стрельцов или

¹ А. А. Введенский. Указ. соч., стр. 93—94.

² Сибирские летописи, стр. 9.

хитрых ногаев. Даровое угощение хозяев лишь растревожило широкую казацкую душу. Скоро в строгановскую корчму пошли кизылбашские ковры, дорогие шелка, изящные парчи, «аглицкие» и «анбурские» сукна, золотые и серебряные украшения, добытые во время молодецкой жизни на матушке-Волге и тихом Дону.

Может быть, уже в эти дни Строгановы пожалели о том, что вступили в связь с таким своенравным и буйным человеком. Небольшой городок Орел — в нем едва насчитывалось 90 дворов — никогда не видел в своих стенах так много вооруженных воинов. С Ермаком пришло около 300 человек, а вслед за ними продолжали подходить все новые и новые партии. Первое время казаки жили по старой привычке в шатрах и наспех сделанных шалашах. Ближе к осени, когда над городком повисли холодные свинцовые тучи, стали рыть землянки. Некоторые устроились на постой к местным крестьянам, пицальникам и пушкарям. Ермак и другие атаманы на правах гостей разместились в добротных хозяйских хоромах.

Летописи не передают содержание переговоров, которые, несомненно, велись в Орле-городке между Строгановыми и Ермаком, но по ходу дальнейших событий можно предполагать, что предметом их была «обереговая» служба казаков. В достигнутом соглашении стояли два основных пункта. Во-первых, на казаков возлагалась защита пермских вотчин от набегов враждебных соседей. Во-вторых, никакой платы, кроме хлеба, казакам не полагалось. Они должны были снискивать себе пропитание тем же способом, каким добывали его на Волге. Они могли совершать походы в любых направлениях и добывать саблей «мягкую рухлядь» и продовольствие у немирных манси, хантов, башкир и черемисов.

Казаки добросовестно исполняли службу. «Атаманы же и казаки, — пишет летописец, — стояху против безбожных агарян буйственно и единомысленно з живущими ту людьми в городкех и бяхуся з безбожными агаряны сурово

и немилостиво и твердо стояху и на неверных поощряху»¹.

Строгановская летопись повествует о полном единодушии Строгановых и Ермака: Строгановы подавали надежду Ермаку на прощение и милость царя, а благодарный Ермак со своими казаками старались трудом и ратными подвигами оправдать заботы и доверие этих «честных мужей». Вслед за летописцем и даже дальше его пошли историки, начиная с Н. М. Карамзина. Некоторые из них, ссылаясь на неверный перевод сочинения Избранда Идеса о русском посольстве в Китай (1692—1695 гг.), утверждали, что казаки, обуреваемые желанием заслужить благосклонность Строгановых, распахали целину по реке Чусовой в 100 миль длиной. «Петербургские ведомости» в 1883 году (№ 606) опубликовали статью некоего Викентия Журавского, уверявшего читателей в том, что в бытность свою в Сольвычегодске видел собственными глазами документы о бракосочетании волжского атамана с одной из внучек Аники Строганова. Е. Николаева положила этот более чем сомнительный факт в основу пошленького романа «От плахи к почести»².

В действительности во взаимоотношениях казаков и пермских вотчинников далеко не все обстояло так благополучно. Ермак был вынужден вывести свой отряд сначала из Орла-городка, а затем вообще из пределов строгановских владений. Осенью 1580 года казаки провели крупную военную экспедицию по рекам Чусовой и Сылве в область, заселенную манси. В верховьях Сылвы отряд остановился на зиму. Казаки построили избы и землянки, а все зимовье обнесли высоким стоячим тыном. Этот острожек, получивший позднее название Ермакова городища, послужил базой для дальнейших операций против мансийских племен. Летучие отряды Ермака на лыжах до-

¹ Сибирские летописи, стр. 9.

² Е. Николаева. От плахи к почести. СПб, 1891.

ходили до мансийских поселений на восточном склоне Уральских гор. «За Уралом вогуличей воевали и обогатели, — замечает летописец. — А хлебом кормились от Максима Строганова»¹. В одной из боевых операций участвовало до 300 казаков.

Без сомнения, ни Строгановы, ни Ермак первые два года не помышляли о походе в Сибирь. Весной 1581 года казаки вернулись в Чусовский городок. Некоторые из них с женами и детьми остались в остроге на Сылве и в последующих походах не участвовали.

Эксплуататорская политика Строгановых, экспедиции казаков усилили недовольство хантейских и мансийских племен. Сибирский хан Кучум, следивший за событиями на западных границах своего ханства, провоцировал эти племена на военное выступление против русских владений на Каме. Летом 1581 года пелымский князек Бегбелий Агтаков, собрав до 700 человек манси и хантов, неожиданно («безвестно», «украдом») появился на берегах Чусовой. Вспыхнули огнем деревни и починки под Чусовским городком и Сылвенским острожком. Бегбелий брал в полон мужчин, женщин и детей, а непокорных убивал на месте. Своими силами Семен и Максим Строгановы не могли отбить нападение пелымцев, обрушившихся на них. Никита Строганов, сидевший в Орле-городке, никакой помощи своим родичам не оказал. Остался безучастным к беде строгановских вотчин и чердынский воевода².

Летописи не сообщают, где был Ермак со своей дружиной в момент нашествия хантов и манси. Возможно, они находились в другой части пермских вотчин, на Каме, от-

¹ Сибирские летописи, стр. 314.

² Семен и Максим Строгановы подали царю жалобу на Никиту Строганова, и Иван IV в специальной грамоте от 6 ноября 1581 года приказал последнему в случае нападения хантов и манси действовать совместно со своим дядей и двоюродным братом. Аналогичный указ был дан чердынскому воеводе. (См.: Г. Ф. Миллер. Указ соч., приложение № 6.)

куда ждали нападения черемисов и башкир, или, поспорившись со Строгановыми, спокойно взирали на их бедствие со стен Чусовского городка, который Бегбелию так и не удалось взять. Во всяком случае, казаки появились на сцене позднее, когда, казалось, ничто не могло спасти строгановские владения по Чусовой от полного уничтожения. Вступив в дело, Ермак перехватил инициативу и скоро обратил неприятеля в бегство. Несмотря на численное превосходство своих сил, Бегбелий «в некотором тесном месте» был разбит, а сам раненым взят в плен и доставлен в Чусовский городок, где и умер. Казаки отбили награбленное добро и полон, в свою очередь забрав в плен много манси и хантов. Впрочем, пленные скоро были отпущены с миром в свои жилища¹.

Вероятно, успешная кампания против Бегбелия подала мысль Ермаку о возможности сокрушить Сибирское ханство. В этом намерении постарались укрепить его и Строгановы, хорошо сознававшие, что, пока в Сибири властвует Кучум, ничто не гарантирует неприкосновенность их владений на Урале. Строгановы могли желать ухода Ермака в Сибирь и по другой причине: становилось все опаснее держать такую своевольную рать в своих владениях.

РОССИЯ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ

Бескрайние просторы Западной Сибири в XVI столетии были малозаселенной и плохо освоенной в хозяйственном отношении территорией. На Крайнем Севере обитали немногочисленные племена самоедов, объединенные в родовые общины и занимавшиеся оленеводством и охотой. Области по нижней Оби, лесистые земли по ее среднему течению, западные и восточные склоны Уральского хребта населяли угроязычные племена хантов и

¹ Сибирские летописи, стр. 9—10.

манси, называвшиеся в русских источниках той эпохи остяками и вогулами. Основным занятием хантов было рыболовство и охота на пушного зверя. В XV веке в первобытнообщинном строе хантов появились признаки его разложения, усилившиеся в следующем столетии. Во главе хантейских племен стояла родо-племенная верхушка, обогащавшаяся во время походов в области соседних самоедов и манси. Русские летописи упоминают племенные объединения хантов, самым значительным из которых в XVI веке было Кодское княжество.

Племена манси, обитавшие по западному и восточному склонам Уральских гор, а также по берегам левых притоков Тобола, находились на более высоком уровне развития, чем ханты. Главным занятием их была охота на крупного и пушного зверя, рыболовство же имело подсобное значение. Знали они и зерновое земледелие, правда, в примитивных формах, и скотоводство. Как и у хантов, родо-племенной строй манси разлагался. Наиболее крупным объединением мансийских племен было Пельымское княжество.

Народы севера Западной Сибири издавна поддерживали экономические связи с русскими землями. Еще в XI столетии предприимчивые новгородские и поморские купцы проникали в низовья Оби и Таза, куда привлекали их в первую очередь пушные богатства. Путь в древнюю Югру шел рекой Сухоной, затем Вычегдой, через волок переходил на притоки Печоры, а с последних после новой переволоки спускался по левым притокам Оби на нижнюю Обь. Торговые и политические связи новгородцев унаследовало Московское государство, включившее в конечном счете далекие сибирские земли в состав своей территории. В Югорскую «вотчину» великие князья московские неоднократно посылали ратных людей для сбора дани. Таковыми были походы устюжанина Василия Скрябы (1465 г.), князя Ф. С. Курбского и И. И. Салтыка-Травина (1483 г.), князя Петра Ушатого, князя Семена Курбского и Василия Заболоцкого-Бражника (1499—1500 гг.).

Но эти походы не привели к присоединению и освоению Сибири. Зависимость местных племен от России была в значительной степени формальной и ограничивалась нерегулярной уплатой дани. Влияние Московского государства за Югорским Камнем в XV—XVI веках оспаривало татарское Сибирское ханство.

Сибирское ханство выделилось из состава Золотой орды в первой трети XV века. Основателем династии сибирских ханов был Хаджи-Мухаммед-хан, потомок одного из братьев знаменитого Батыея, Шейбани. Татары вели полукочевой образ жизни, занимались скотоводством, охотой и рыболовством. Земледелие в небольших размерах существовало только в поймах Тобола и Иртыша и большого хозяйственного значения не имело. Сеяли полбу, овес и ячмень. Развитого ремесленного производства также не было, хотя татары умели плавить руду и изготавливать несложные орудия труда и предметы вооружения: серпы, сошники, сабли, наконечники стрел, панцири, кольчуги, ножи и др.¹ Обработка металлов велась главным образом в Искере (иначе Кашлык, или Старая Сибирь) — административно-политическом центре ханства. Более широкое распространение получили гончарное производство, скорняжничество, прядение, ткачество и шитье.

По социально-экономическому строю сибирские татары стояли на стадии раннего феодализма. Местная знать во главе с ханом эксплуатировала «черных» улусных людей и подвластные угрозязычные племена. С последних в пользу хана и его сановников взимался ясак ценной пушниной, которая шла на продажу в Казань и Среднюю Азию. Сибирские правители жили войной, нападая на соседние народы и грабя их. Немалые доходы получали они от работоторговли, источником которой были пленные, захваченные во время походов на окрестные племена.

¹ З. Я. Бояршинова. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960, стр. 101.

Сибирское ханство было эфемерным политическим образованием. В нем никогда не прекращалась междоусобная борьба. Власть с переменным успехом оспаривали потомки чингисида Шейбани-хана и местного татарского княжеского рода Тайбугинов.

В междоусобные распри вмешивались правители Казанского и Бухарского ханств, стремившиеся утвердить здесь свое влияние. После серии кровавых переворотов в конце XV века верх одержали Тайбугины, придерживавшиеся казанской ориентации.

Резкое обострение внутренней борьбы, падение Казанского ханства под ударами русских войск заставили часть татарской знати искать сближения с Московским государством. Совместно правившие в Искере братья из рода Тайбугинов Едигер и Бекбулат в 1555 году признали вассальную зависимость от России и обещали платить ежегодную дань пушниной в количестве 1000 соболей. Царь послал в Сибирь полномочного посла Дмитрия Курова Непейцина, чтобы «князя Едигера и все землю Сибирскую к правде привести и, черных людей переписав, дань свою сполна взять».

Однако данническая зависимость Сибирского ханства была непрочной. В 1563 году в Искере совершился новый переворот. При поддержке бухарских правителей шейбанид Кучум-хан сверг Едигера и Бекбулата и занял ханский престол. По его указанию оба соправителя были умерщвлены. От свергнутой династии уцелел только малолетний сын Бекбулата Сеид-Ахмат (Сейдяк), вывезенный в Бухару.

Кучум-хан был честолюбивым человеком, воинственным и властным правителем. По-азиатски хитрый и коварный, он умел убирать со своего пути опасных людей и заставить повиноваться непокорных феодалов. Уже тот факт, что Кучум держался на троне в течение двух десятков лет (значительно дольше, чем предшествовавшие ему правители), выделяет его из длинного списка сибирских ханов.

В первые десять лет своего правления Кучум собирал татарские улусы под свою руку. Сибирское ханство при нем достигло наибольшего могущества. Его владения занимали большой треугольник, заключенный между Иртышом и Тоболом с Турой. К северу они тянулись узкой полосой по берегам Иртыша до реки Туртас. Сибирский хан собирал ясак «со многих низовых язык». В частности, ему платили дань кондинские и обдорские князья с низовьев Оби. В другом направлении владения Кучума распространялись по Туре и далее за Урал, где соприкасались непосредственно с вотчиной Строгановых. На юге границы Кучумова царства терялись в прииртышских степях.

По берегам рек татары воздвигли целую систему укрепленных городков. На берегах Иртыша, вблизи ханской столицы, прикрывая ее с севера и юга, стояли Сузгун-тура, Бицик-тура, городок на Чувашском мысу, Абалак, городок мурзы Аттики. К юго-востоку от Искера на Иртыше находились Кысым-тура и Бегишев городок. С запада путь на Искер прикрывал ряд городков на Тоболе и Туре: Карачин, городок есаула Алышай, Тарханский «заставный» городок, Чимга-тура (Тюмень), Епанчин городок и другие. Городки имели земляные валы и деревянные укрепления. Они являлись военно-административными центрами ханства. В них сидели подвластные Кучуму тарханы, беки и мурзы.

Аппарат государственной власти в ханстве был несложным. Он состоял из хана, который направлял в улусы есаулов («блюстителей порядка», по выражению С. В. Бахрушина), ханского визиря (карачи) и нескольких вельмож — советников хана. Имелся небольшой штат сборщиков ясака, которые назывались «даругами». Владельцы отдельных областей (улусов) находились в служебно-вассальном подчинении хана. Они обязаны были участвовать со своими отрядами в ханских военных походах, получая за это часть военной добычи, поставлять на ханский двор ясак или «дары» с «черных» людей своих улусов.

Искер. Фото 1960-х годов.

Во внутреннюю жизнь улусов хан и его сановники почти не вмешивались¹.

Чувствуя себя, по выражению А. Н. Радищева, чужеземцем в своей стране, Кучум-хан окружил свой престол выходцами из Бухары и Ургенча, на которых полагался больше, чем на местную татарскую знать. Он стремился также создать опору себе в лице мусульманского духовенства. Ислам насаждался среди татар со времен правления Мухаммеда Шейбани, но с приходом к власти Тайбугинов

¹ Э. Я. Бояршинова. Указ. соч., стр. 114.

влияние его заметно ослабло. По преданиям тобольских татар, хан Кучум и его брат и соправитель Ахмед Гирей трижды обращались к бухарскому правителю Абдуллахану с просьбой направить в Искер мусульманских проповедников, и каждый раз Абдулла-хан отправлял в Сибирь духовные миссии¹. Шейхов и сеидов сопровождали многочисленные отряды бухарских воинов, которые в Искере вливались в дворцовую гвардию хана. С последней миссией Шербети-шейха, как раз накануне похода Ермака, в Сибирь явилось сто воинов узбеков.

Задачам упрочения трона Кучум-хан подчинил также династические браки. Одну из своих дочерей он выдал за ургенчского сеида Дин-Али-ходжу, сам взял в жены дочь хана Шигаю и дочь своего сановника Девлетим-бея. Родственные узы связывали Кучума с правящими родами в ногайских и казахских ордах.

Сибирский хан был достаточно умен и понимал, что главная опасность для его эфемерного царства надвигалась с запада, со стороны России. Он никогда не забывал о судьбе Казанского ханства, разгромленного войсками Ивана IV Грозного. Некоторые сановники, бежавшие из Казани, нашли приют в Искере и, без сомнения, поведали хану о том, сколь велик и могуществен его западный сосед.

Сразу же с приходом к власти Кучум порвал даннические отношения с Московским государством, но на открытую борьбу с ним еще долго не решался, занятый приведением в покорность татарских улусов и постоянными стычками со степными ордами. Однако в Москве знали о враждебных настроениях в сибирской столице. В царской грамоте от 2 января 1564 года содержатся такие слова: «Хвалитца деи сибирской салтан Ишибани (т. е. шибанид Кучум) итти в Пермь войною»,— которые не оставляют

¹ Н. Ф. Катанов. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 году мухаммеданских проповедников в г. Искер. «Ежегодник Тобольского губернского музея». Вып. 7, 1897, стр. 52—60.

никаких сомнений в том, что Иван Грозный был достаточно хорошо информирован о воинственных замыслах Кучума.

Московское государство, напрягавшее все силы в войне за выход к Балтийскому морю, не желало осложнений на восточных границах. Оно не могло направить сколько-нибудь значительных сил против Кучума, могущество которого окружение царя явно преувеличивало. Поэтому правительство Ивана IV искало сближения с Кучумом и готово было возобновить добрососедские отношения с ханством на тех же основаниях, на которых они строились при последних Тайбугинах, т. е. от хана требовалось формальное признание вассальной зависимости и, как выражение ее, ежегодное приношение дани в Москву.

Иван IV первым проявил мирную инициативу, послав в 1569 году хану свою грамоту. Этот документ не дошел до нас, но из последующей переписки можно понять, что в нем поднимался вопрос о восстановлении московского вассалитета в Сибири. Кучум дал ответ царю весьма своеобразным путем. В конце июля 1569 года татары совершили набег на русское поселение на реке Чусовой, и схватив трех пермяков, Ивашку Поздеева «с товарищи», доставили их в ханскую столицу. «И был Ивашко у царя в Сибири ден с десять,— сообщает источник,— и отпустил его на подводах до Перми, а дву товарищев его оставил... и обиды не учинили некоторые». Отпуская к Москве невольного посланца, Кучум на словах просил передать царю: «...ныне деи дань собираю, господарю вашему царю послов пошлю, а нынче деи мне война с казацким (казахским) царем»¹.

После такой «вербальной ноты» Кучум в декабре 1569 года послал в Москву свою первую грамоту. В ней он называл себя «вольным человеком Кучум-царем». Грамота гордого бухарца была составлена в таких выражениях, с которыми не принято обращаться вассалу к своему

¹ Дополнение к актам историческим, т. 1, № 179.

сюзерену. «И ныне похощь миру,— писал Кучум,— и мы помиримся, а похощь воеватися — и мы воюемся». Это походило скорее на вызов к войне, чем на предложение мира. К такому языку в Москве не привыкли, поэтому бояре решили, что ответить царю на такую грамоту «не пригоже», и оставили ее без ответа.

В 1571 году Кучум-хан направил в Москву посольство и 1000 соборей дани. Ханские послы привезли с собой вторую грамоту, о содержании которой можно судить по сохранившимся приказным записям. На грамоте стояла подпись: «Кучум-богатырь, царь — слово наше». В грамоте хан изъявил готовность встать под высокую царскую руку и платить дань в прежнем размере. В посольском приказе составили текст присяги (шерти), которую должны были подписать сначала послы, а затем ратифицировать Кучум. Однако послы подписать присягу отказались, заявив: «Грамоте и писать не умеем».

Упорство, с которым русское правительство добивалось признания сибирскими ханами зависимости от Москвы, объяснялось отнюдь не желанием получать ханскую дань. Для царской казны тысяча соборей большой ценности не представляла. Царь больше мехов давал в «поминки» иностранным послам, чем получал их в виде дани из Сибири. 28 августа 1578 года после подписания договора в Москве члены датского посольства (6 человек), например, получили царских «поминок» каждый по 27 сороков соборей и по 17 сороков куниц, т. е. всего 6480 соборей и 4080 куниц. В 1595 году «вспоможение» германскому императору Рудольфу, которого Россия склоняла к войне с Турцией, составило 40 360 соборей, 20 760 куниц, 120 черных и чернобурых лисиц, 3000 бобров, 1000 волков, 337 235 белок. Пражские купцы оценивали эту пушнину в 8 бочек золота. В Европе такого пушного богатства не видел ни один монарх, в Москве же его оценили всего в 44 000 рублей¹.

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. 10. СПб, 1889, стр. 147.

Таким образом, сибирская дань в глазах царя имела чисто символическое значение. Не будучи готовым к войне, Иван IV рассчитывал дипломатическими средствами достигнуть цели: получить власть над «Сибирским юртом». Недаром еще в грамоте 1557 года к английскому королю он прибавил к своему титулу слова: «всея Сибирские земли и северных стран повелитель». Иван Грозный спешил хотя бы формально присоединить Сибирское ханство не только по соображениям государственного и лично царского престижа, хотя и это имело тогда немаловажное значение: монархи всегда любили пышные титулы. Но дело еще в том, что Азия вообще и Сибирь в частности привлекали в то время пристальное внимание западно-европейских стран. Уже в 1492 году некий М. Снупс появился в Москве с письмом от германского короля, в котором излагалась просьба отпустить его, Снупса, для осмотра русских земель, в том числе и земель по реке Оби.

По представлениям европейских ученых, Обь брала начало в Китайском озере, близ которого стоял Пекин. На этой основе возникали планы проникновения в южную и юго-восточную Азию через северные моря и впадающие в них реки, минуя южный путь вокруг Африки, на котором утвердились испанцы. В 1553 году английская Московская компания снарядила экспедицию для прохода в Китай северными морями. Правда, она не достигла цели: два корабля были разбиты бурей, а третий вошел в Белое море и бросил якорь в устье Северной Двины. Тем не менее английские купцы продолжали домогаться в Москве права захода кораблей в устья Печоры и Оби. Но в 1583 году посол королевы Елизаветы Боус получил отказ на том основании, что Обь очень далеко от Москвы, пристаней там нет и вообще иностранцев туда пускать нельзя, так как это может подорвать государеву монополию на пушнину и лишить казну доходов¹. Русское правительство

¹ Сборник Русского исторического общества, т. 38, стр. 90—91.

- 7997 -
- 7567 -

зесьма круто обошлось с англичанином Маршем, организовавшим в 1584 году экспедицию в низовья Оби сушей: пушнина была задержана, а сопровождавший Марша русский промышленник по имени Богдан строго наказан. В те же годы в кругах английской торговой буржуазии, близких к правительству, вызревали планы захвата северного морского побережья России¹.

Алчные взоры, которые бросала западноевропейская буржуазия на Сибирь, торопили царя закрепить ее за Россией. Для завершения дела, начатого в Москве с послами Кучума, в 1572 году в Искер отправился русский посол сын боярский Третьяк Чебуков со свитой из служилых татар. Целью его миссии было принять присягу у сибирского хана и получить дань за 1572 год. Но политический климат в ханской столице к тому времени резко изменился. Кучум, никогда не питавший добрых чувств к России, отказался от притворного миролюбия и шел на открытый конфликт.

Поворот во внешнеполитической линии хана был обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, к началу 70-х годов ему удалось подавить оппозицию местной татарской знати и упрочить свое положение на троне. Его власть признали многие хантейские и мансийские князьки Нижнего Прииртышья и Приобья. Во-вторых, положение Кучума упрочилось благодаря расширению экономических, политических и религиозных связей с Бухарой. Бухарский Абдулла-хан, недовольный присоединением к России Казани и Астрахани, толкал Кучума к враждебным действиям против Русского государства². В-третьих, сибирского хана не мог не приободрить поход крымских татар Девлет-Гирея (1572 г.), сопровождавшийся страшным разорением южных русских городов, селений и даже самой Москвы.

¹ Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Рукописи И. Гамеля, т. 33, стр. 3750—3753.

² Х. Зияев. Узбеки в Сибири (XVII—XIX вв.). Ташкент, 1968, стр. 7—8.

Ханские послы Томас и Апса видели своими глазами сожженную русскую столицу. В Москве ждали нового прихода крымских орд, и послы, возвратившись в Сибирь, не преминули сообщить об этом Кучуму. Как свидетельствуют документы, сибирский правитель искал союза с крымским ханом. Осенью 1577 года русский посол в Крыму Е. Ржевский сообщал в Москву о прибытии к хану сибирских послов. Кучум просил у крымского собрата военной помощи в виде пушек для борьбы с Россией. Правительство Ивана IV отнеслось к этому известию с большой тревогой. Появление огнестрельного оружия в распоряжении агрессивного сибирского правителя представляло смертельную угрозу русским поселениям на Урале. Правда, крымский хан отказал на этот раз в помощи, но никаких гарантий, что он так же поступит в будущем, не было¹. Наконец, в своей политике по отношению к России Кучум принимал в расчет и тянувшуюся с 1558 года Ливонскую войну, которая приковала значительную часть русских вооруженных сил.

Первой крупной враждебной акцией Кучума явилось вероломное убийство русского посла Чебукова². До этого хан ловко инспирировал бунты хантов, манси и черемисов против России, оставаясь сам в тени. Ханские люди вторгались в русские ясачные волости, убивали и брали в плен данников Москвы, запрещали платить дань царю, насильно забирали в ханское войско боеспособных мужчин.

Летом 1573 года племянник Кучума Маметкул, вероятно, не без согласия хана, «собрався с ратью, дорог проводывати, куда итти ратью в Пермь, да многих де наших остяков побили». Татары разорили много деревень и починок строгановской вотчины и, не дойдя 5 верст до Чусовского городка, ушли в Сибирь «с немалою добычей и полоном»³.

¹ В. Д. Назаров. Указ. соч., стр. 109.

² Г. Ф. Миллер. Указ. соч., приложение № 5.

³ Там же.

Становилось все более очевидным, что только меч мог остановить вероломного соседа. Ясно было и другое: Строгановы, на которых правительство возложило защиту русских владений на Урале, не в состоянии решить эту задачу собственными силами. В такой обстановке на исторической сцене появился Ермак.

Здесь мы вплотную подошли к одному из сложнейших нерешенных вопросов — вопросу о роли царского правительства, Ермака и Строгановых в присоединении Западной Сибири. В литературе на этот счет существует обилие точек зрения, но если отвлечься от некоторых оттенков и частности, то их можно свести к следующим четырем группам.

Историки Н. М. Карамзин, Н. Г. Устрялов, С. М. Соловьев, Л. Н. Майков, А. А. Дмитриев, А. А. Введенский, С. В. Бахрушин и авторы второго тома академической «Истории Сибири» считают, что инициаторами и организаторами похода Ермака были Строгановы. Ермак, по существу, являлся исполнителем их воли и замыслов, правда, исполнителем инициативным и талантливым. В основе этой концепции лежат показания Строгановской летописи и царской грамоты от 16 ноября 1582 года.

Диаметрально противоположный взгляд развивали М. П. Погодин, П. И. Небольсин, С. А. Андрианов и А. И. Андреев. По их мнению, Строгановы не принимали активного участия в экспедиции Ермака; замысел похода и самый поход принадлежат всецело инициативе отважного атамана. В трактовке вопроса они следовали главным образом за летописью Саввы Есипова.

Компромиссную позицию в этом спорном вопросе заняли первый историк Сибири Г. Ф. Миллер, историки И. Э. Фишер, М. М. Щербатов, П. А. Словцов, Д. И. Иловайский. Отдавая предпочтение «Истории Сибирской» С. У. Ремезова, они утверждали, что поход в Сибирь Ермак совершил на свой страх и риск, а Строгановы приняли в нем вынужденное участие. Под угрозой разорения

имения и даже смерти последние принуждены были снабдить казаков продовольствием, боевым снаряжением и позволить Ермаку набирать воинов в своих вотчинах, чем и навлекли на себя царский гнев.

Наконец, в 1901 году Н. Шляков выдвинул новую версию, по которой поход в Сибирь был предпринят правительством Ивана IV. Оно перебросило отряд казаков под командой Ермака на восточную границу из-под Могилева. Основанием для этой версии послужило то, что в списках казаков, действовавших на Днестре, значился некто Ермак, который и был без колебаний отождествлен с сибирским героем¹.

Последняя точка зрения ввиду очевидной несостоятельности не заслуживала бы упоминания, если б не получила неожиданную поддержку среди советских историков. Г. Красинский в статье «Покорение Сибири и Иван Грозный», трактуя по-своему хорошо известные царские грамоты Строгановым, пришел к заключению, что правительство фактически обязало пермских вотчинников вопреки их хозяйственным интересам нанять казаков и отправить против Кучума во имя достижения государственных целей².

О нерешенности рассматриваемого вопроса свидетельствует позиция крупного знатока истории феодальной Сибири В. И. Шункова — автора соответствующих глав академической «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». Во втором томе этого издания он писал: «К 70-м годам XVI века в Москве сложился план продвижения в Сибирь. В его реализации правительство Ивана IV использовало деятельность торговых и промышленных людей по освоению камских путей, ставших доступными после падения Казани... Строгановы хотели распространить свои промыслово-торговые операции дальше на восток... Стремление Строгановых встретило поддержку

¹ Н. Шляков. Ермак Тимофеевич летом 1581 г. — ЖМНП, ч. 336, 1901, июль, стр. 33.

² Г. Красинский. Указ. соч., стр. 90—91.

московского правительства. В 1574 году они получили жалованную грамоту на земли за Уральским хребтом по Туре и Тоболу с разрешением строить крепости на Иртыше, Оби и других реках.

Осуществить эту обширную и смелую программу самим Строгановым не удалось. Но из их владений начался знаменитый поход казачьей дружины Ермака».

Не трудно заметить, что автор приведенных рассуждений обошел мучительный вопрос о взаимоотношениях Строгановых и Ермака. Между тем его решение в том или ином смысле имеет важное значение для характеристики личности Ермака и оценки его исторических заслуг.

Не претендуя на окончательность выводов, способных положить конец трехвековому спору ученых, выскажем свое отношение к изложенным выше взглядам. Прежде всего решительное возражение вызывает версия о походе Ермака как военной экспедиции, организованной царским правительством или с его согласия. Ни дошедшие до нас грамоты, ни летописи, ни, наконец, народные предания не содержат и тени намека на причастность царя к знаменитому походу. Напротив, они содержат многочисленные указания на то, что поход совершился вопреки воле Ивана IV и никак не входил в его расчеты. В жалованных грамотах Строгановым 1558, 1568, 1574 годов строго предписывалось: «А ис Перми ни из ыных городов нашего государства... тяглых людей и письменных к себе не называти и не принимати, а воров ему и боярских людей беглых с животом и татей и разбойников не принимати ж». Когда же до Москвы дошло известие о том, что казаки выступили в поход из строгановских вотчин, царь направил Строгановым гневную грамоту. Среди проступков, вызвавших царский гнев, указывался призыв ими без ведома царя волжских казаков: «...волжских атаманов, к себе призвав, воров, наняли в свои остроги без нашего указу»¹.

¹ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 342.

При сопоставлении с документами обнаруживается несостоятельность и гипотезы, отрицающей причастность Строгановых к походу Ермака. Кроме летописи Есипова, составленной с целью возвеличить христианский подвиг казаков, других оснований эта гипотеза не имеет. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в том, что пройти на Тобол и Иртыш, минуя владения Строгановых, было невозможно. Казаки, прежде чем отправиться в неведомый и враждебный край, должны были обеспечить себя продовольствием, оружием, боеприпасами и средствами передвижения. Нигде, кроме Строгановых, этого они получить не могли. Они воспользовались их вотчиной как исходной базой для своего рейда в Сибирь, получив от ее обитателей и первые сведения о политической ситуации за Уралом.

Позднее, в 1672 году Григорий Строганов в челобитной царю Алексею Михайловичу между прочим писал: «...а в прошлых, государь, годах при царе и великом князе Иване Васильевиче... прадед мой... призвал с Волги атаманов и казаков Ермака с товарищи, и в свои вотчины и на помощь Ермаку с товарищи ратных многих людей наймывал и всему войску помочь чинил, деньги и платье, и боевое ружье, и порох, и свинец, и всякой к воинскому делу запас давал из своих пожитков; и вожей с ними под сибирские города посылал своих дворовых людей»¹.

Вопрос, следовательно, состоит не в том, принимали или не принимали участие в походе Ермака пермские промышленники, на этот счет не может быть двух мнений, а в том, кто был инициатором этого похода. Отбросив, таким образом, крайние контрверсии, рассмотрим ближе к двум оставшимся гипотезам. Историки, которые следуют за Строгановской летописью, описывают события по следующей схеме.

¹ Дополнения к актам историческим, т. 6, 1857, стр. 261—263.

Строгановы давно вынашивали планы расширения своих владений за счет зауральских земель. Исходатайствовав в 1574 году грамоту на земли по Туре и Тоболу с правом строительства крепостей также на Иртыше, Оби и других реках, они приступили к набору ратных людей. Но вольных людей с незапятнанной в глазах официальной власти репутацией оказалось чрезвычайно мало, поэтому они решили принимать на службу «воров и разбойников» в расчете на то, что это не дойдет до царя, как многое не доходило до него и раньше. Узнав о Ермаке, Строгановы послали к нему грамоту с приглашением на службу. Тот принял предложение и вместе со своими казаками явился в Орел-городок. Рассказав Ермаку о богатствах Сибирского ханства и его внутренней слабости, промышленники склонили его к походу в Сибирь.

В этой схеме есть ряд уязвимых мест, отмеченных в свое время критиками. Во-первых, совершенно невозможно думать, что у Строгановых уже в 1579 году, за два года до похода, был четкий и далеко идущий план войны с Кучумом. Они не могли точно знать о военной слабости ханства, на конфликт с которым не решался сам царь. Во-вторых, развязывая войну в Сибири, Строгановы рисковали вызвать на себя гнев царя, от благосклонности которого зависело все их благополучие. Вероятнее допустить, что верноподданные купцы, раньше чем затевать столь серьезное дело, обратились бы в Москву за разрешением и помощью, поставили бы в известность чердынского воеводу. В обычае Строгановых было обращаться к царю и по менее важным поводам. В-третьих, если бы Строгановы являлись действительно инициаторами и организаторами похода, то почему после его блестящего завершения они даже не пытались воспользоваться его плодами. Никаких привилегий в Сибири Строгановы не получили.

Все это заставляет думать, что поход в Сибирь не был результатом сознательной деятельности Строгановых. Они пригласили Ермака, чтобы его мечом обезопасить свои

владения, а поход в глубь Сибири явился делом самого атамана¹. В этой части более убедительной является версия, развиваемая в «Истории Сибирской» Ремезова, точнее, в ее вставках из Кунгурской летописи. Но кунгурский летописец допускает ошибку, полагая, что замысел о походе за Урал созрел у Ермака еще на Волге. Ни Строгановы, ни Ермак в то время не могли допустить и мысли, что горстка казаков может разгромить Сибирское ханство. Г. Ф. Миллер справедливо замечал: «Представляется маловероятным, чтобы Ермак с самого начала надеялся на счастливый исход своего похода, как это потом ему удалось, или чтобы он со своими товарищами отправлялся с намерением покорить Сибирь Российскому государству»².

Начавшись без широкого замысла, как рядовая военная экспедиция против окрестных племен, поход Ермака лишь позднее вылился в целеустремленный марш на Искер. Поход казаков, открывший дорогу в Сибирь для широкой народной колонизации, сам, по существу, представлял ее первый могучий поток.

ПОХОД

Как уже сказано, Строгановы не имели оснований препятствовать казакам в намерении совершить поход в пределы Сибирского ханства. Между солепромышленниками и Ермаком в этом не было разногласий. Но разногласия начались сразу же, когда вопрос о походе встал на практическую почву. Ермак резонно считал, что коль скоро сибирский поход отвечал жизненным интересам промышленников, то они должны принять на себя издержки по его материальному обеспечению, т. е. дать казакам оружие (пищали, сабли), боеприпасы (порох, свинец), продоволь-

¹ В. Д. Назаров. Указ. соч., стр. 111.

² Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 215.

ствии (хлеб, толокно, крупы, соль), одежду, послать с ними переводчиков и проводников, а также позволить набрать в дружину добровольцев из пермских казаков, крестьян и пленных литовцев, поляков и немцев.

В пермских вотчинах в то время управляли делами Максим и Никита Строгановы. Старший Строганов по делам фирмы находился в столице. По словам Н. М. Карамзина, Семен Аникиев Строганов, будучи искусным в лечении недугов, врачевал своего покровителя Бориса Годунова, израненного царским посохом при попытке предотвратить убийство наследника престола царевича Ивана¹. Переговоры с Ермаком, видимо, вел Максим Строганов как старший из оставшихся на месте хозяев.

Переговоры шли долго, но безуспешно. Максим Строганов решительно отказался снабжать дружину припасами. Чусовской городок в те августовские дни 1581 года походил на потревоженный муравейник. Казаки ходили толпами, задирали строгановских приказчиков и слуг. Когда же узнали об отказе снабдить их для похода, большой шумной толпой двинулись к хозяйской усадьбе, решив добыть все силой. Окружив полукольцом господский двор, они, по словам летописца, приступили к Максиму «гызом» и пригрозили разорить имение.

Хозяин, побледневший от страха, в сопровождении приказчиков вышел на крыльцо.

— Христиане! Побойтесь бога! Это грабеж! Государь не потерпит воровства,— пытаюсь перекричать многоголосый шум толпы, начал Максим увещевать казаков. Но его никто не хотел слушать. Одни казаки звали своих товарищей к амбарам, где хранилось продовольствие и боевые припасы Строгановых, другие призывали к немедленной расправе с купцами.

Раздвинув толпу, вперед вышли Иван Кольцо и есаулы.

¹ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. 9, стр. 305.

Казачи несколько притихли, ожидая, что скажет уважаемый атаман.

— Молчи, мужик! — подал голос Кольцо. — Не гневи бога. Не на воровство идем, а на безбожных агарян Кучума-царя.

И решительно поднялся на крыльцо и встал рядом с хозяином.

— О, мужик! — продолжал Кольцо. — Не знаешь ли ты и тепере мертв. Возьми ты и расстреляем вклучья!¹

Казачи, подняв сабли и вплотную приблизившись к дому, громкими возгласами поддержали угрозу атамана. Строганов понял всю безвыходность своего положения. Жаловаться царю или воеводе нельзя: сами без их ведома призвали казаков с Волги. Да и что им, ворам, царь! Завтра уйдут за Чусовую, и след их простыл.

Алчный купец вынужден был пойти на уступки. Призвав еще раз в свидетели бога, он согласился наконец выдать запасы, но с условием, чтобы каждый казак дал на себя заемную кабалу, обязавшись по возвращении из похода возместить взятое «с лихвою», т. е. с процентом. Атаманы и казаки без колебаний приняли это условие, полагая, что судьба не скоро сведет их снова с кредиторами.

Тотчас же были открыты хлебные амбары, и работа закипела. Строгановские приказчики и полковые писари, устроившись за столами, поставленными прямо у амбаров, вносили в заемные кабальные книги имена и отчества казаков, место жительства их семей. «И книги их писарей и память жилья их, кто имени и отчеством домов и доньне у Строганова в казне взыскуется», — сообщает летописец². К сожалению, этот уникальный документ, если он когда-либо существовал, до наших дней не сохранился.

Атаманы требовали, говорится в летописи, выдать оружия и продовольствия на 5000 человек из расчета 3 пуда

¹ Сибирские летописи, стр. 315.

² Там же.

ржаной муки, пуд сухарей, 2 пуда круп и толокна, пуд соли, безмен масла, половину свиной туши, некоторое количество рыбы, ружье, по 3 фунта пороха и свинца на казака и «знамена полковые с ыконами, всякому сту по знамени»¹.

Строгановский историк XVIII века П. С. Икосов подсчитал, что все припасы, отданные казакам, стоили 20 000 рублей по тогдашним ценам². Но соответствует ли эта сумма действительности, сказать невозможно, так как неизвестно, сколько казаков насчитывалось у Ермака и выполнили ли полностью Строгановы требование на провиант и оружие. Летописец упоминал еще три полковые пушки, которые якобы требовал Ермак у солепромышленников, однако получил ли он их, точных сведений не имеется. Во всяком случае, при описании позднейших сражений летописи об использовании пушек не говорят ни слова.

Загрузка судов, заблаговременно заготовленных казаками, шла днем и ночью. Атаман спешил: нужно было до ледостава перевалить через Камень. Однако грузов оказалось больше, чем могли взять легкие струги. Чтобы увеличить их грузоподъемность, решили делать набои к днищам, но и это не помогло. Часть припасов пришлось оставить на берегу.

При сборе в поход (как и в самом походе) Ермак показал себя хорошим организатором и предусмотрительным командиром. Изготовленные под его присмотром струги были легки и подвижны и лучшим образом отвечали условиям навигации по мелким горным рекам. Казаки взяли с собой все, что могло потребоваться в далеком путешествии: топоры, гвозди, конопать, лопаты, всевозможные судовые снасти, пологи (шатры) и т. д.

Во всех делах Ермак следовал обычаям волжского и донского казачества. Все важнейшие вопросы решал общий

¹ Сибирские летописи, стр. 315.

² В. Шишонко. Указ. соч., стр. 76.

Ермак. Портрет неизвестного художника XVIII века.
Тобольский музей.

сбор казаков — войсковой круг. Круг, как мы видели, собирался на Волге перед уходом на Каму, в строгановские вотчины. Бесспорно, по решению круга был предпринят и поход в Сибирь, хотя летописи об этом не упоминают. Круг избирал атамана, который сосредоточивал в своих руках всю полноту исполнительной и распорядительной власти. Власть атамана опиралась, таким образом, на силу авторитета его в казачьей массе. И тот факт, что Ермак в течение многих лет и до конца жизни оставался атаманом, убедительно говорил об огромной его популярности среди казаков. Летописи отнюдь не впадали в сентиментальность, описывая любовь казаков к своему атаману, как к родному отцу, суровому, но всегда справедливому. Вообще дружину Ермака пронизывал и спланивал дух крепкого товарищества.

В казацкой вольнице на Волге и боевых операциях на Урале Ермак приобрел хороший военный опыт, который в соединении с природным умом поднимал его на уровень выдающихся полководцев своего времени. Четкой организации казачьего войска могли позавидовать царские воеводы. Дружина казаков подразделялась на пять полков во главе с выборными есаулами. Полк делился на сотни, сотни — на полусотни и десятки, которыми командовали сотники, пятидесятники и десятники. Ближайшими помощниками Ермака были два атамана «сверстника», Иван Кольцо и Иван Гроза.

Кроме дружины волжских казаков под общей командой начального атамана состоял отдельный отряд, набранный из волонтеров в пермских вотчинах. В нем было много плененных литовцев, поляков, немцев и украинцев. Кто стоял во главе его, сведений нет, но по косвенным данным можно предполагать, что командовал этим «иностранным» полком Черкас Александров. Одна из летописей называет его в составе посольства Ермака к царю¹. В начале

¹ Сибирские летописи, стр. 281.

90-х годов атаман Ч. Александров участвовал в строительстве города Тары и в походах против Кучума¹.

Сибирские летописи дают разные сведения о численности дружины Ермака. Называют 540, 600 и даже 5000 человек. Не менее противоречивы и данные о числе воинов, набранных в пермских вотчинах: строгановский летописец насчитал 300, «Сказание Сибирской земли» — 154, «Новый летописец» — 50 казаков². Уподобляя казачий полк стрелцкому, историк В. И. Сергеев определил численность дружины вместе с приданными ей «охочими» людьми в 1650 человек³. По нашему мнению, эта цифра близка к реальной, и мы будем исходить из нее в дальнейшем повествовании.

Тревожная, полная опасных и самых неожиданных поворотов жизнь научила Ермака безошибочно и тонко разбираться в людях. Его атаманы отличались отвагой, изобретательностью и инициативой. Ни один из них не дрогнул в бою и до последних дней не изменил казацкому долгу.

Для ведения канцелярских дел дружина имела полковых писарей. Сам Ермак, по сведениям летописца, знал грамоту, умел читать и писать. О грамотности других атаманов летописи ничего не сообщают. Можно предполагать только, что с грамотой были знакомы Иван Кольцо и Иван Гроза, которым поручалось представлять Ермака и его войско при царском дворе.

Начальный атаман заботился о моральном духе своих воинов. Дружина имела трубачей, сурначей, литаврщиков и барабанщиков. Музыкальные инструменты казаки добыли, вероятно, еще на Волге, так как среди строгановских «даров» они не значились. Были в полках три попа и монах-расстрига, сменивший черные ризы на казачий лазо-

¹ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 288, 357, 359.

² Сибирские летописи, стр. 10, 297, 308.

³ В. И. Сергеев. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака. — «Вопросы истории», 1959, № 1, стр. 123.

ревый кафтан. Впрочем, Ермак, не терпевший бездельников, привлекал пастырей к казачьей службе, и они наравне с дружинниками несли все тяготы похода. А монах-расстрига не только исправно вел «круг церковный», но и как человек, понимавший толк в брашне и питиях, ведал припасами и кухней. Ради почтенного возраста и слабости телесной, от ратных дел его освободили.

В своей дружине Ермак поддерживал железную дисциплину, которая вообще была свойственна казачьим коллективам. За мелкие проступки наказывали жгутами. Измена и трусость карались смертной казнью. Летописец передает: «Указ на преступление чинили жгутами, а хто подумает ототти от них и изменить, не хотя быти, и тому по-донски указ: насыпав песку в пазуху и посадя в мешок, в воду». Во время экспедиции на Сылву таким способом было казнено около 20 человек¹.

Суровый воин и душевно чистый человек, Ермак не терпел распушенности, способной загубить самое хорошее войско. «Блуд же и нечистота у них,— продолжает летописец,— в великом запрещении и мерска, а согрешившего обмывши три дни держат на чеши (цепи)»². Но нетерпимость Ермака к легким связям ничего общего не имела с ханжеским христианским аскетизмом. В основе ее лежала забота о здоровом и боеспособном войске. Тот же самый Ермак, который так жестоко карал изменников и дезертиров, разрешил многим казакам обзавестись семьями и остаться с женами и детьми в городище на Сылве. Личную жизнь самого атамана летописи обходят молчанием. По всей вероятности, он не успел создать семью ни на Волге, ни на Урале, ни в Сибири.

В конце августа 1581 года подготовка к походу закончилась. Все казаки и атаманы были приведены к своеобразной присяге, состоявшей в том, что каждый воин цело-

¹ Сибирские летописи, стр. 316.

² Там же.

вал крест и клялся стоять непоколебимо против врага и до конца быть верным казацкому делу. Отслужив молебен, войско погрузилось на струги и, подняв паруса, с попутным ветром двинулось в путь. Флотилия, состоявшая из более чем 80 судов, имела внушительный вид. Развевались полковые знамена. Гремела музыка. Провожать ратников вышли все жители Чусовского городка. Несмолкаемо гудели колокола строгановского собора. Вышел на берег и Максим Строганов, тяжело переживавший опустошение своих амбаров и кладовых. Заметив хмурое лицо купца, казаки с отплывающих стругов громко кричали: «Вернемся — заплатим сторицей! Если убиты будем, да помянем любовь твою на том свете!» И раскатистое эхо многократно повторяло насмешливые слова казаков.

Со сложным чувством покидал Ермак Чусовской городок. Не впервые ему было брать на себя ответственность за судьбы сотен людей, веривших в счастливую звезду своего атамана. Но это был необычный поход. Не на волжских купцов вел он преданных ему казаков, а на смертельную схватку с чужеземцем, который позволял себе гордо говорить с самим самодержцем российским.

Почти на версту растянулись казачьи струги. Ермак придавал большое значение разведке, позволявшей предупредить внезапное нападение противника. Поэтому впереди флотилии за полторы-две версты шло легкое, без груза, ертаульное (дозорное) судно. На нем сидели 20 сильных молодых воинов. Вообще старых казаков, с которыми начинал Ермак вольную жизнь на Волге, было немного. В дружине преобладали 18—20-летние юноши, впервые побывавшие в настоящем деле только на Урале.

Разные цели вели людей Ермака в Сибирь. Одних соблазнили сибирские пушные богатства, других влекла свободная жизнь без бояр и дворян. Третьим вообще негде было приклонить голову на родной Руси, где их ждала виселица. Для пленных литовцев, поляков и немцев через Сибирь шел путь на родину. Ратными подвигами они

надеялись заслужить право возвратиться в своё отечество.

Судовой караван несколько дней поднимался вверх по реке Чусовой. Берега ее в те времена никем не были заселены, и казаки без всякой опаски выходили на берег и на ночь разбивали лагерь. С Чусовой предстояло перебраться на Туру и Тобол. Для этого нужно было отыскать левый приток Чусовой, который начинался бы поблизости какой-либо речки, впадающей в Туру. Проводники-коми, которыми Ермака снабдили Строгановы, уверили, что этим условиям вполне отвечает речка Межевая Утка, однако при обследовании ее выяснилось, что она недостаточно глубока и не пригодна для плавания. Из-за мелководья Ермак должен был повернуть назад. Достигнув устья речки Серебрянки, флотилия вступила в ее прозрачные серебристые воды.

До глубокой осени шли от устья Серебрянки до ее истока. Маленькая горная речка не везде была удобна для хода судов. В особо мелких местах приходилось, по свидетельству летописца, ставить запруды из парусов и таким способом поднимать уровень воды, чтобы двигаться дальше. Зима застала казаков в месте, где в Серебрянку впадает небольшая речка Кокуй. Дальше начинался волок на реку Тагил, приток Тобола. Ермак приказал здесь остановиться и разбить зимний лагерь, укрепив его по обыкновению стоячим тыном. Остатки укрепления местные жители видели еще в XVIII веке.

Недалеко от Кокуя-городка, как называется это зимовье в литературе, жили манси «сибирского владенья», т. е. обложенные данью Кучумом. Казаки изготовили лыжи и немедленно отправились к ним за продовольствием, так как свое уже было на исходе. Отряды «фуражиров» обычно возвращались с большими запасами, состоявшими из мяса лесных зверей и сушеной рыбы. Грабеж мирных племен не противоречил представлениям казаков о справедливости и не считался преступлением.

Слух о приходе вооруженных людей быстро разнесся по тайге. Мансийские роды стали соединяться вместе, чтобы защитить свои поселения. Рассказывают, что один казачий отряд отправился однажды через реку Тагил на разведку до реки Нейвы. Татарский (или мансийский) мурза, живший при этой реке, собрал множество татар и манси и полностью истребил его¹. На месте, где жил упомянутый мурза, по словам Миллера, позже возникла слобода, получившая название Мурзинской.

За зиму дружина Ермака значительно поредела: некоторые казаки погибли в стычках с местными жителями, малодушные сбежали из лагеря. Весной, когда вскрылись реки, дружина возобновила поход. Путь лежал на ближайший приток Тагила речку Баранчу. Струги принуждены были бросить, а весь груз взять на плечи. Ермак предполагал вначале мелкие суда перетаскать волоком, чтобы потом не строить новых. Но этот труд оказался не под силу казакам, и от волока пришлось отказаться. Упомянутый выше историк Икосов в 1761 году писал: «Струги Ермаковы в коем месте оставлены — и поныне суть многим лесникам и ловцам известны, ибо где оны на берегах оставлены, вырос на них кустарник не малой»². Ранее об этом же рассказывали историку Г. Ф. Миллеру местные жители³.

Достигнув речки Жаровли, впадающей с юга в Баранчу, Ермак приказал строить небольшие плоты, на которых и спустились до Тагила. На берегу последнего, в 4 верстах от места впадения Баранчи, при устье речки Медведки дружина вновь встала лагерем. Дремучий лес, обступивший с обеих сторон реку Тагил, огласился стуком топоров. Казаки строили новые струги. Посланные по разным направлениям дозоры поблизости не обнаружили никакого жилища, тем не менее Ермак распорядился укрепить стоян-

¹ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 220.

² А. Дмитриев. Указ. соч., стр. 20.

³ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 220—221.

ку. Она находилась в 16 верстах от места, где позднее будет поставлен Нижнетагильский завод.

Путь по Тагилу был пройден без особых происшествий. Струги легко и быстро неслись по высокой полой воде вниз по течению реки и скоро вошли в Туру. Здесь начинались владения Кучума. «Ту бе и Сибирския страна», — пишет летописец. В верховьях Туры на месте будущего Туринска кочевали «татаровя Епанча с товарищи». Это были или мансийское племя с татарским мурзой, или отатарившиеся манси — точно сказать невозможно. Нельзя определить и степень зависимости Епанчи от сибирского хана. В память об этом мурзе город Туринск долгое время в просторечии называли Епанчиным.

Река Тура в районе Туринска делает крутой изгиб к северу. В этой излучине Епанча, собрав большое количество своих людей, решил преградить путь казакам, хотя те никаких враждебных намерений не проявляли. Подступив к правому берегу, воины Епанчи обстреляли из луков струги Ермака, не причинив, впрочем, никакого вреда. Суда держались ближе к левому берегу, и стрелы, не достигая цели, падали в воду далеко от бортов. Епанча, однако, не унимался. Пройдя по прямой сухопутьем, он опередил казаков, плывших кружным путем по реке, и под самым городком попытался вновь атаковать дружину. Ермак на этот раз не уклонился от боя и впервые за Уралом обнажил свой меч. Взвесив обстановку, он приказал направить струги к неприятельскому берегу. Прикрывшись щитами, казаки подплыли на расстояние ружейного выстрела и дали залп из пищалей. «Невоистые» (невоинственные) манси отпрянули от берега и ударились в паническое бегство. Казаки высадились на берег и беспрепятственно вошли в Епанчин городок. В наказание за учиненное нападение Ермак велел забрать все, что было в нем ценного, а самый городок сжечь.

Почему Ермак поступил так жестоко с первым доставшимся ему за Уралом городком? Историк обычно обходит

молчанием подобные карательные акты, бросавшие тень на репутацию волжского атамана. Но факты, как говорят, — упрямая вещь, и задача исследователя состоит не в том, чтобы ловко обходить их, если они не вписываются в схему, а правильно объяснить, поставив в связь с эпохой и логикой развития событий.

В связи с этим необходимо напомнить, что описываемые события совершались в XVI веке — веке невежества и жестоких нравов, когда культ грубой физической силы господствовал во всех слоях русского общества, снизу доверху. Пример показывал сам самодержец, яростно рубивший головы действительных и мнимых врагов своих. В 1573 году, после штурма крепости Виттенштейн в Эстонии, он приказал сжечь всех пленных шведов и немцев. Следует принять в расчет и то, что войско Ермака состояло из людей, занятием которых до этого был грабеж купцов и бояр. Разрешив разорить Епанчин, Ермак отдавал дань своей старой «профессии». Руководили им и другие соображения. Он хотел примерно наказать непокорных, чтобы показать другим, как опасно оказывать сопротивление его дружине. И не ошибся в своих расчетах. Плывая по Туре, казаки долго не встречали никакого сопротивления. Прибрежные селения сдавались без боя.

В начале августа дружина Ермака подошла к городку Чимги-тура (современная Тюмень) и без особых затруднений завладела им.

По поводу дальнейших событий наши источники расходятся. Строгановская и Есиповская летописи сообщают, что дружина не задержалась в Чимги-туре и сразу же проследовала дальше. По Кунгурской летописи, Ермак оставался здесь почти целый год и двинулся в путь только весной следующего года. Нам представляется, что последняя летопись допускает ошибку. За 9 месяцев, которые якобы провели казаки в Чимги-туре, не произошло никаких существенных событий. Во всяком случае, летопись о них не сообщает. Если верить летописи, то должно за-

ключить, что в период с лета 1580-го по весну 1581-го (летопись относит начало похода к 1579 году) сложилась невероятная ситуация. Кучум, ревниво оберегавший границы своего ханства, ничего не предпринимал против казаков и даже, кажется, вообще не знал об их приходе. Не менее удивительным было и поведение Ермака. Найдя в окрестностях старого ханского города много съестных припасов, он мирно и тихо зимовал, словно затем и пришел в Сибирь, чтобы вдоволь вкусить тюменского хлеба.

Бездействие и медлительность были не в обычае волжского атамана. Одной из ярких черт военной тактики казаков всегда являлись стремительное движение к цели и внезапный удар по главным силам противника. Этой тактики, сколько было возможно в новых условиях, придерживался Ермак в Сибири.

Никаких причин оставаться в Чимге на длительное время у дружины не имелось. Кстати заметить, что, по мнению крупнейшего историка Сибири С. В. Бахрушина, городка Чимги-тура тогда уже не существовало. Со времени торжества ислама в Сибирском ханстве он пришел в упадок и к моменту прихода русских лежал в развалинах. В 1586 году царские воеводы не нашли здесь никаких строений и поставили русский город на пустом месте, «где прежде бывал град Тюмень»¹.

Ермак не задержался на зиму в старом городище, а, дав время отдохнуть дружине, в конце августа — начале сентября 1582 года тронулся в путь. Там, где Тура вливалась в Тобол, стоял небольшой укрепленный городок одного из татарских тарханов. По словам Г. Ф. Миллера, слово «тархан» означало почетное звание и по-русски переводилось как вольный господин². Владелец этого звания не платил дань хану, но обязан был участвовать в его походах. Улусные же люди тархана наравне с прочи-

¹ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., примечания, стр. 484—485.

² Там же, стр. 222.

ми платили ханскую дань, хотя и более легкую. Такой тархан и сидел в городке, названном в русских летописях Тарханским.

Внезапно появившись у городка, казаки беспрепятственно вошли в него. В то время у тархана находился знатный татарин по имени Кутугай, посланный Кучумом для сбора дани. Перепуганного насмерть ханского даругу доставили к атаману. Ермак решил использовать представившийся случай, чтобы дезинформировать Кучума. В его расчеты не входило раньше времени раскрывать свои цели. Он приказал принять Кутугая не как пленника, а как знатного и желанного гостя. Оказывая ему всяческие знаки внимания и почета, атаман расспрашивал о здоровье хана и его семьи.

— Я хотел бы дружески навестить Кучума-царя,— говорил Ермак,— но задержался в пути и скоро намерен возвратиться на Русь.

Обласканный Кутугай рассказал подробно любопытному собеседнику и о Сибирском ханстве, и о войске Кучума, и об Искере, и других городках. Чтобы сделать гостю приятное и развлечь его, Ермак приказал лучшим стрелкам продемонстрировать свое искусство в стрельбе. В качестве мишени использовали татарские щиты и панцири. С помощью переводчика кто-то из атаманов, возможно, Иван Кольцо, объяснял тактико-технические свойства оружия, особенно напирая на пробойную силу и дальность полета пули. Кутугая одарили казацким платьем ярких цветов и мелкими металлическими безделушками, вроде колец и серег. Кучуму Ермак подарил трезубец, а женам его — кизылбашские парчи и шелка. Передав поклон хану, семье его, караче и мурзам и выразив еще раз сожаление, что не может лично засвидетельствовать почтение столь славному правителю, атаман «чесно» (с миром) отпустил Кутугая в Искер¹.

¹ Сибирские летописи, стр. 321.

Словно на крыльях летел ханский сборщик к Кучуму. По пути-во всех городках он с гордостью рассказывал, какой славный и храбрый витязь навестил их землю и как щедро принимал его. В том же восторженном настроении простоватый Кутугай прискакал в Искер, так и не собрав ханскую дань. Одевшись в цветное русское платье, распираемый желанием побыстрее поведать о счастливом приключении, вошел он в ханский терем.

Получив вместо ожидаемой дани весть, что в его улусе хозяйничают неожиданные гости, Кучум, однако, не разделал восторга своего даруги. Еще более омрачилось лицо старого хана, когда Кутугай перешел к рассказу о замечательном стрельбище. «Когда [русские] из луков своих стреляют, — сообщал Кутугай, — тогда пышет огонь и дым бывает великий и так стучит, как гром на небе, и ничем защититься нельзя: ни панцири, ни кольчуги, ни щиты наши не выдерживают — все пробивает навывлет»¹. Не успокоило Кучума и сообщение даруги о намерении русских возвратиться на Русь. Умный хан не был столь простодушным, как его слуга, чтобы поверить в искренность заявления Ермака о скором отъезде.

В тот же день из ханской столицы во все стороны поскакали гонцы собирать войско для борьбы с внезапно вторгшимся неприятелем. По другой летописи, хан послал вассалам стрелы «злаченные», которые выполняли роль своеобразной повестки, обязывающей их явиться со своими людьми и оружием в ханскую ставку.

Тем временем флотилия Ермака, пройдя Туру, вышла в Тобол. Впереди, как всегда, шло ертаульное судно. Дозорные первыми заметили большое движение татар на берегу. Как выяснилось скоро, 6 татарских мурз с большим войском подстерегали казаков, чтобы неожиданно напасть на них и разбить. Летопись называет имена трех из них: Маитмаса, Каскары и Варварины. Они до сих пор сохра-

¹ Сибирские летописи, стр. 321.

нились в названиях татарских деревень по Туре и Тоболу. Бой с татарами продолжался несколько дней. Татары следовали по берегу за караваном стругов, устраивали засады в прибрежных тальниках и осыпали казаков стрелами. Ермак поворачивал суда, высаживался на берег и, обратив нападавших в бегство, занимал один юрт за другим. Потери татар были значительными. В руки казаков попала богатая добыча в виде мехов и продовольствия. По словам летописи, Ермак не смог увезти все на своих судах и часть ценностей зарыл в землю.

Мурзы, счастливо избежавшие смерти в этом сражении, позднее принесли присягу царю. Так, мурза Маитмас при первом тюменском воеводе Василии Сукине ставил города Тюмень, Тобольск, Тару, ходил войной на Кучума, калмыков и царевича Али. В 1617 году старый мурза был головой тюменских служилых татар и получал 12 рублей и по 2 чети (16 пудов) хлеба и овса годового жалованья. После смерти Маитмаса «государеву службу» несли его сыновья: Мургач, Надыш и Кутайгул.

Победа над мурзами стоила Ермаку больших жертв. В дружине осталось немногим более 1000 воинов. Остальные полегли на берегах Тобола. Сохраняя дружину, атаман стал избегать рукопашных боев. Струги держались по возможности середины реки и шли вперед еще с большей предосторожностью. Однако уклониться от боя не всегда было возможно. В 120 верстах от Чимги, там, где позднее возникла русская деревня Березовый яр, на казаков снова напал татарский отряд. Дружину спасло то, что противник не имел никаких судов и поэтому был вынужден действовать только с берега. Казаки налегли на весла, прикрылись щитами из таловых кустов и, отражая огнем нападавших татар, прорвались вперед без больших потерь.

Ермак знал, что главное сражение ждет его на берегах Иртыша, где стоял Кучум со своим войском, поэтому топиллся скорее проделать путь. Струги лишь на ночь приставали к берегу. На ночных станах атаман сам расстав-

лял усиленные караулы и лично проверял их. Казалось, он бодрствовал целыми сутками, все видел и всюду успевал распорядиться. Под особым контролем находилось боевое оружие. Ермак требовал, чтобы оно всегда было хорошо вычищено и готово к бою. Не однажды таловые прутья ходили по спинам нерадивых казаков, поленившихся после стрельбы протереть и вычистить пищали. Ермак оберегал дружину от всяких случайностей. Он хотел сохранить до решающего сражения боеспособное войско.

Однообразные, поросшие мелким кустарником тянулись низкие берега Тобола. Часто шел дождь. Утрам становились холодными, по утрам выпадал густой иней. Наступала ранняя в Сибири осень. Казаки видели в побледневшем небе стаи спешивших на юг гусей и журавлей, и их прощальный крик печалью отзывался в сердцах. Чем дальше уходили в глубь чужой земли, тем суровее становилось лицо атамана. Чтобы не привлекать неприятеля, Ермак запретил громко петь и разжигать костры. Питались сухарями и толокном, разбавленным холодной водой из Тобола.

Бдительный дозор снова донес о надвигающейся опасности. Подходили к месту, где река была очень узка и имела крутой и высокий правый берег. Позднее это место получило название Караульного яра. С. У. Ремезов включил в свою летопись такое предание. Хан Кучум приказал возле Караульного яра протянуть через Тобол железную цепь и, задержав казачьи струги, напасть и уничтожить все русское войско. Выполнение этой операции хан поручил отряду во главе с есаулом Алышаем. Но цепь не выдержала дружного напора судов, лопнула, и дружина без потерь миновала западню. Конечно, это была только легенда. Значительно большего доверия заслуживает другой рассказ того же летописца. Разведка донесла Ермаку о скоплении вооруженных татар заблаговременно, и он решил взять их хитростью. По его приказу казаки связали из кустов прибрежного тальника толстые пучки, одели их в

казачьи кафтаны и шляпы и поставили на струги. Оставив небольшое число воинов на судах, сам атаман с массой казаков вышел на берег в нескольких верстах от Караульного яра и напал на противника с тыла. Татары, увидев большое количество людей на судах и еще большее число их на суше, обратились в бегство, теряя убитых и раненых. Но Ермак не стал преследовать, и дружина вернулась на суда.

Прошло еще несколько дней в труде и боях. Флотилия достигла устья левого притока Тобола — реки Тавды. Проводники сообщили, что вверх по этой реке шла дальше через Камень старинная дорога на Русь. Утомленная дружина разбила на берегу походный лагерь. Казаки были уже не те, что некогда на Чусовой беспечно пели задорные песни. Они видели ярость врага и гибель своих товарищей. Поход одних закалил, других, менее сильных, надломил. То в одном, то в другом конце лагеря вспыхивали споры. Малодушные призывали воспользоваться старой дорогой и вернуться на Русь, бросив на полпути начатое дело. Ермак слышал эти голоса и, чтобы положить конец разногласиям, созвал круг. Большинство подало голос за продолжение похода, и вопрос был исчерпан.

Выдались теплые солнечные дни, какие иногда бывают на Тоболе ранней осенью. Напряжение последних тяжелых дней постепенно спадало. Казаки предались мирным делам: ловили рыбу, охотились на зверей и птиц, собирали грибы. Давно в больших артельных котлах не было такой здоровой и вкусной пищи. К воинам вернулась бодрость духа: слышались песни и музыка. Мирную картину представлял лагерь в эти дни. Со стороны его можно было принять за обычную бурлацкую артель где-нибудь на Волге, если бы не ружья и сабли, с которыми казаки не расставались ни на минуту. Казаки собирались небольшими кучками и, настороженно следя за появлением атамана, играли в зернь. Ермак запретил эту азартную игру и строго наказывал ее поклонников. Срубили баню, и казаки

с упоением хлестали березовыми вениками загорелые спины. Чинили и стирали пропитанные потом рубахи и порты и тут же на прибрежных кустах сушили их.

Ермак никогда не забывал, где находится его дружина. Место для лагеря было выбрано с таким расчетом, чтобы исключить возможность нападения противника. С одной стороны лагерь прикрывал Тобол, с другой — Тавда, с третьей — дремучий лес. Струги стояли в Тавде, скрытые от посторонних глаз прибрежным кустарником. По берегам и с лесной стороны были расставлены караулы. По обыкновению, Ермак отправил группы казаков разведать окрестности. Как сообщают летописи, один из таких дозоров захватил и доставил в лагерь дворецкого ханского двора Таузака (или Таусана) и его людей, ловивших рыбу в Тавде для стола хана. Возможно, здесь речь шла о том же факте, который описан в «Истории Сибирской» Ремезова и о котором мы сообщали выше, но только место события сместилось от устья Туры к устью Тавды, да пойманный кучумовец назван не Кутугаем, а Таузаком. Ермак принял Таузака с «честью», расспросил о городе Искере, ханском войске, вооружении татар, а затем отпустил к Кучуму.

Если действительно этот факт имел место, то он мог получить только такое объяснение, какое ему дал Миллер. «По всему видно, — писал историк, — что Ермак, несмотря на то, что уже ранее получил эти сведения от Кутугая, не считал излишним еще раз расспросить о том же Таусана, чтобы рассказом одного проверить сообщения другого и исправить их там, где они окажутся неверными»¹.

Через неделю лагерь снялся, и отдохнувшая дружина двинулась навстречу новым испытаниям.

Получив известие о Ермаке, Кучум и его окружение потеряли покой. В ханскую столицу стекались князьки, мурзы и уланы со своими ополченцами. В Искере день и

¹ Г. Ф. Миллер. Указ соч., стр. 224.

ночь шли работы. Улусные люди рыли глубокие рвы, возводили земляные валы вокруг резиденции хана. Кузнецы ковали сабли, копья и наконечники стрел. Первыми в Искер привели своих воинов татарские мурзы с берегов Иртыша и Тобола, а вслед за ними хантейский князь с реки Демьянки по имени Бояр, кодские и обдорские князья, зависимые от Кучума. По приказу хана укреплялись городки на Тоболе и Иртыше.

Каким войском располагал хан, историки теряются в догадках. Летописи не сообщают об этом сколько-нибудь точно, ограничиваясь неопределенными указаниями на множество или «великое» множество неприятельской рати. Улусы татарских феодалов были небольшими. Например, в улусе Чунгулы-мурзы имелось всего 40 боеспособных мужчин; у аялынских татар, находившихся под властью двух князьков и двух есаулов, насчитывалось 150 человек взрослых мужчин; у Чин-мурзы — 38 улусных людей¹ и т. д. Немногие могли выставить более ста воинов. Во времена Едигера во всем ханстве насчитывалось 30 700 подданных, обязанных платить дань². Мобилизуя всех мужчин, способных носить оружие, Кучум едва ли мог выставить более 10—15 тысяч воинов. Но в любом случае его войско имело многократный численный перевес над дружиной Ермака.

Воинство Кучума представляло обычное феодальное ополчение. В отличие от казачьей дружины, состоявшей исключительно из добровольцев, оно набиралось в принудительном порядке из «черных» улусных людей, плохо обученных военному делу. Правильная организация была совершенно ему чужда. Его подразделения состояли из отдельных отрядов, собранных вассалами хана. Ядро войска составляла ханская конница, в которой наряду с татарами было много бухарцев и ногаев. Сам Кучум взятием

¹ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. 3, ч. 2. М., 1955, стр. 157.

² В. Шишонко. Указ. соч., стр. 40.

Искера и убийством прежних правителей закончил свои воинские дела. Конницу возглавлял Маметкул (вернее, Мухаммед-кули), по одним источникам, брат, по другим сын, а вероятнее всего, племянник Кучума. Ему же были подчинены и прочие отряды ополчения.

То, что во главе войска хан поставил Маметкула, а не кого-либо другого из своих сыновей или ближайших сановников, свидетельствует о том, что Кучум умел здраво оценивать способности окружавших его лиц. Никто из последних не мог сравниться с Маметкулом физической силой, бесстрашием в бою и воинским опытом. Он был знаком с огнестрельным оружием и не приходил в трепет от ружейных залпов. Пермь Великая долго помнила его стремительный набег 1573 года. Вероятно, по его настоянию в 1577 году хан обратился в Тавриду с просьбой оказать помощь пушками. Высшая командная должность в ханском войске по праву принадлежала визирю (караче), но Кучум, видимо, не доверял ему и, как покажут события, имел на то все основания. Короче говоря, в лице Маметкула Ермак имел достойного противника.

В ставку хана поступали неутешительные известия. Разгром пограничных мурз в устье Туры, неудачные попытки остановить казаков у Березового и Караульного яров на Тоболе, наконец, последняя весть с устья Тавды от Таузака побудили Кучума предпринять более решительные меры. Не прекращая фортификационных работ у Искера и на подступах к нему, он послал Маметкула с отборной конницей навстречу Ермаку. Хорошо знакомой дорогой, по которой не раз проносились с добычей его всадники, Маметкул поспешил к устью Тавды, где, по последним сведениям, находились казаки. Но встреча произошла раньше, ибо Ермак уже оставил лагерь и плыл вниз по Тоболу.

К вечеру, когда татарские конники достигли юрты мурзы Бабасана, они заметили плывущее одинокое судно. Это был ертаульный струг Ермака. Тотчас же завязалась

перестрелка. Татары, войдя на лошадях в воду, пытались поразить казаков стрелами, а те, отвечая им редкими ружейными выстрелами, повернули обратно, чтобы соединиться со своей флотилией. Маметкул приказал отрезать путь казакам, одиночная стрельба которых не представляла большой опасности. Быть бы Ермаковым разведчикам в плену, если бы подоспевшая дружина не отбила их у наседавших татар.

Ермак на этот раз не уклонился от боя. По ханским знаменам, развевавшимся на берегу, он понял, что перед ним если не сам хан, то его начальный воевода. Развернувшись фронтом к берегу, казаки открыли интенсивный огонь. По приказу Ермака стрельба была организована таким образом, что пока одни воины стреляли, другие заряжали ружья, поэтому залпы следовали один за другим с большой частотой. Полудикие степные кони татар от ружейного треска заметались по берегу, внося хаос и панику в татарские ряды. Маметкул приказал своим спешиться и продолжать бой в пешем порядке. Ермак, не давая врагу опомниться, подал клич к атаке. Струги рванулись к берегу. Укрывшись за их бортами, казаки не прекращали пальбы, а затем, высадившись на сушу, бросились в рукопашную схватку.

«И в то время бысть брань жестока с татарскими вои и падение от обеих стран многое множество», — лаконично сообщает летописец¹.

Татары, не выдержав дружного натиска казаков, отступили, но наступившая ночь вынудила Ермака оставить преследование. Атаман приказал соорудить на берегу временное укрепление из жердей и земли. Русские воины имели в этом большой опыт, и лагерь скоро был готов.

Наутро Маметкул возобновил боевые действия. Татарские всадники приблизились к самому лагёру, пытаясь

¹ Сибирские летописи, стр. 20.

нанести урон «копейным поражением и острыми стрелами». Дружный залп отбросил кучумлян, но те пришли в себя и снова бросились на казаков.

Следует заметить, что в нашей литературе нередко преувеличиваются значение огнестрельного оружия и его преимущества перед луками. Из пищали конца XVI века можно было сделать один выстрел за 2—3 минуты¹. Это значит, что до сближения с противником, идущим в атаку на конях, казак мог сделать не более одного выстрела. За то же время воин, вооруженный луком, посылал добрый десяток смертоносных стрел. Кроме того, фитильные ружья были не всегда надежны в эксплуатации: в ненастную погоду они почти не действовали. Татары скоро свыклись с «огненным боем» и смело нападали на дружину.

Пять дней держал Маметкул казачий лагерь в осаде. По словам летописца, кровь лилась рекой, а путь к лагерю был настолько усеян вражескими трупами, что это мешало самим же татарам пробиваться вперед на лошадях. Ранним утром, на шестой день осады, казаки не слышали обычных боевых кликов татар. Понеся большие потери и страшась еще больших, Маметкул прекратил безрезультатные атаки и покинул поле боя. Дружина получила возможность продолжать путь.

Бой при Бабасанах, не давший решительной победы ни той, ни другой стороне, укрепил, однако, уверенность Ермака в победоносном исходе похода, а у Маметкула оставил надежду на возможность полного уничтожения многочисленного казачьего войска. Оба военачальника извлекли уроки из первой боевой встречи.

Ермак убедился, что главной ударной силой Кучумова ополчения являлась конница. Для ее тактики были харак-

¹ Н. Лапин. Военное искусство в сибирских походах Ермака. — «Военно-исторический журнал», 1966, № 1, стр. 41.

Бегство Кучума. Контурный рисунок М Знаменского.
Тобольский музей.

терны налеты на противника массой, поражение его металлическим оружием и широкий маневр на поле боя. Татарская конница нуждалась в открытом пространстве, на котором можно развернуться широким фронтом, окружить неприятеля и ударить его во фланги. Ермак обнаружил и слабое место своего противника — бой в пешем строю. Татары, лихие наездники, отлично дрались на конях, действуя копьем и саблей, но весьма неохотно вступали в рукопашный бой. Бросаясь в схватку толпой, без боевых по-

рядков, они бестолково метались, мешая друг другу, и, встретив отпор, легко поддавались панике¹.

Узнав по-настоящему противника, Ермак в дальнейшем стремился навязать ему бой на узких прибрежных участках, где не могла развернуться лавина татарской конницы. Татары принуждены были спешиваться и после получения огневого удара вступать в рукопашную схватку. Струги обеспечивали дружине хорошую маневренность и надежный тыл. Казаки всегда могли отступить на суда и оторваться от неприятеля. Ермак придавал большое значение временным полевым укреплениям. Мы видели, какую роль сыграли они в битве при Бабасанах, не дав возможности конникам Маметкула вплотную приблизиться к казакам и защитив их от вражеских копий.

Правильно оценил роль полевых укреплений и Маметкул. Как увидим дальше, он приказал своим воинам построить засеки на берегу Иртыша, на подступах к главному городу ханства.

После сражения у Бабасанских юрт Ермак сталкивался только с отрядами местных татарских мурз, чьи владения лежали на Тоболе. Летописи не упоминают больше о Маметкуле вплоть до знаменитого боя у Чувашского мыса. По-видимому, он поскакал в Искер, чтобы организовать его оборону и встретить казаков на берегах Иртыша.

Близ устья Туры, правого притока Тобола, тянулся крутой и высокий яр, обрывом спускавшийся к реке. Это место, названное позднее Долгим яром, было весьма удобно для нападения на казачьи струги. Ермак ждал здесь засады, поэтому не решился сразу плыть дальше, а остановился на небольшом острове, чтобы дружина могла отдохнуть и со свежими силами на предельно высокой скорости проскочить опасное место. Но опасения оказались напрасными. Прижимаясь к левому берегу, струги

¹ Н. Лапин. Указ. соч., стр. 42.

беспрепятственно миновали Долгий яр. Лишь несколько стрел, пущенных татарским дозором, тонко прозвенели в воздухе и упали в воду за несколько сажен от казаков.

В 16 верстах от устья Тобола находился улус карачи (визиря) — «думного кучумова боярина», по выражению Русской летописи. Летописи не донесли до нас его собственного имени. Продовольственные запасы дружины подходили к концу. Поэтому Ермак решил занять Карачин городок¹ и пожить у его добром. Хотя городок и был укреплен, но большого сопротивления казакам не оказал. Карача еще раньше сбежал в Искер и увел с собой большую часть улусных людей. Казакам досталась большая добыча: золото, серебро, драгоценные камни, жемчуг, много меда и скота. Главный сановник хана, по всем признакам, оставил свой улус с большой поспешностью. Это было в сентябре 1582 года.

В Кунгурской летописи события у Карачин городка описываются иначе. Дружина Ермака, встретив здесь крупные силы татар, не отважилась вступить с ними в бой. Более того, превосходящие силы противника вызвали среди казаков панику. Ермак счел за лучшее повернуть обратно, поднялся вверх по Тоболу и Тавде, намереваясь уйти на Русь. Но, повоював пелымских манси и обложив их ясаком, дружина воспрянула духом, возвратилась на Тобол и с боем заняла городок карачи.

В. И. Сергеев, приняв летописное известие за достоверное, отнес поход Ермака на Тавду к лету 1581 года. По его мнению, зиму 1581/82 года² Ермак провел в Карачине. Повторилась та же странная ситуация, которая год назад якобы имела место в Чимги-туре. Оба противника пребывали в полном бездействии. Ни Ермак, ни Кучум,

¹ В настоящее время на Тоболе в 20 километрах от Тобольска расположена русская деревня Карачино.

² См.: В. И. Сергеев. Указ. соч., стр. 125 и след. Взгляд В. И. Сергеева на поход Ермака в Сибирь разделяют некоторые другие историки, в частности Н. Лапин в цитируемой нами статье.

потерявший половину ханства, не предпринимали никаких шагов к изменению положения. Чтобы как-то объяснить летаргию атамана, В. И. Сергеев выдвинул чисто гипотетический факт посылки Ивана Кольца за подкреплениями к Строгановым.

Странная позиция, таким образом, сразу получила объяснение: Кучум страшился решительного сражения, Ермак ждал строгановской помощи и тоже не решался продолжать поход. В таком равновесии страха и прошел целый год.

Трудно освободиться от впечатления, что и летописцу, и следующему за ним историку потребовались этот поход на Тавду и «сидение» Ермака сначала в Чимги-туре, а затем Карачине лишь для того, чтобы заполнить зияющую пустоту между произвольно выбранной датой начала похода (1579 год вместо 1581-го, как значится в документах) и действительной датой его завершения (1582 год). Поход, длившийся немногим более года, ими растянут до трех лет. Еще Г. Ф. Миллер вполне удовлетворительно объяснил, как в «Истории Сибирской» Ремезова оказалось два описания одного и того же похода Ермака на Тавду под разными датами, и нам нет необходимости здесь повторять это объяснение¹.

Итак, заняв в конце сентября 1582 года Карачинский улус, Ермак стал готовиться к завершающему этапу похода. Близилась зима, и он должен был торопиться, чтобы до ледостава выйти в Иртыш, где, как ему донесли, его ждал сам Кучум с главными силами. Поревевшая в боях дружина насчитывала не более 800 воинов. Хан следил за движением Ермака, разослав по всем дорогам дозоры со строгим наказом, «чтобы никто от казаков ни птицею мимо их не пролетел».

Погрузив припасы на струги, Ермак покинул городок карачи и 1 октября появился на Иртыше. По многократ-

¹ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 226—227, 251.

ным опросам татар он точно знал и топографию окрестностей, и состояние противостоящих ему сил, и характер вражеских укреплений. Устье Тобола тогда еще не было отведено к югу, и он впадал в Иртыш как раз против нижнего посада будущего Тобольска. Правый берег Иртыша высок и крут. Но против устья Тобола Иртыш отступил от высоких круч, освободив ровную площадку треугольной формы. Во время весеннего разлива она почти целиком покрывалась водой. Летом вода спадала, и тогда на площадке оставались лишь небольшие озера и сеть мелких речек, текущих в Иртыш. В описываемое время площадка была покрыта высокой травой и мелким кустарником, в котором водилось много дичи. Многочисленные сыновья Кучума любили развлекаться здесь соколиной охотой, что закрепилось в названии места — Княжий луг.

Высокий иртышский берег, полукольцом окружавший Княжий луг, был издавна заселен. На нем стояли городки Бицик-тура и Чувашский. Последний в мирные дни, вероятно, был летней резиденцией хана, но теперь выполнял функцию предместного укрепления столицы, и в нем распоряжался «начальный воевода» Маметкул. По его указаниям городок опоясали земляным валом и рвами. В Бицик-туре жила одна из жен Кучума — дочь сановника Девлетим-бея¹. К слову заметить, хан не любил держать своих жен под одной крышей и даже в одном месте. По летописным известиям и народным преданиям, каждой из них он строил особый городок. Так, юная красавица Сузге жила в городке, поставленном на сопке, которая до сих пор носит ее имя — Сузгун². Старшая жена, узбечка Симбула (до отправки ее по старости в Бухару), имела резиденцию в местечке Абалак.

Появление казачьей флотилии на Иртыше не было не-

¹ Холм, на котором стоял Бицик-тура, ныне носит название Панина бугра.

² Сопка Сузгун расположена на правом берегу Иртыша, где в последние годы прошла железная дорога Тюмень—Тобольск—Сургут.

ожиданностью для татар. Казаков ждали с часу на час. Чувашский мыс, укрепленный снизу, со стороны Княжего луга засеками, а сверху земляным валом с бойницами, угрюмо и грозно смотрел на плывущую дружину. По одним известиям, Ермак попытался с ходу овладеть укреплением, но был отбит, по другим — он, не задерживаясь у Чувашского мыса, проплыл 2—3 версты вверх по Иртышу и, высадившись на левый берег, занял городок Аттикурмы. В дальнейшем этот городок служил ему опорной базой в наступательных операциях против Кучума.

Первая ночь на берегу Иртыша была тревожной. Опасаясь нападения, казаки не сомкнули глаз. С Чувашского мыса ветер доносил чужую речь: воинственные возгласы татар перемежались с молитвами. Там тоже не спали. Впечатления дня угнетающе действовали на воинов. Особенно беспокоило численное превосходство врага: «Како может стати противу толикого собрания!»

Снова встал вопрос: «Отойти ли нам места сего или стояти единодушно?» Утром Ермак созвал круг. Слабые духом советовали вернуться на Русь. «Можно ли одному биться против 10, 20 и даже 30 воинов?» — спрашивали они. И отвечали: «Это верная смерть. Да не сами себе убийцы будем! Уйдем за Камень». Другие же твердо стояли на том, что нужно дать сражение и победить.

Ермак, как всегда, молча выслушал всех, желавших говорить, и только после этого поднялся сам.

— Казаки! Братья мои, единомышленники! — заговорил атаман. — Подумайте, как нам бежать? Глубокая осень уже настала, реки покрываются льдом, струги к плаванию против течения не годны... Не предадимся бегству, не положим на себя ни худой славы, ни укоризны потомков. Вспять возвращаться — покрыть себя позором и малодушно нарушить свою клятву. Не множеством воинов добывается победа! Если нам всемогущий бог поможет, то и после смерти нашей память о нас не оскудеет, и слава наша будет вечна!

Страстная речь «велеречивого» Ермака воодушевила дружину. Атаманы и казаки единогласно порешили: «...постоим противу врага твердо, до крови и до самой смерти, и того, братие, не переменим обета своего и вси единодушно станем непоколебимы»¹. И на том покончили свой совет.

Подготовка к штурму шла три недели. Воины залечивали раны, набирались сил. Ночью неумоимо работала разведка. Сам Ермак переправлялся на правый берег и осматривал поле предстоящего боя. Выступление было назначено на 23 октября — день апостола Якова, изображение которого украшало знамя передового полка.

Прошла последняя ночь перед боем. На востоке, за Иртышом, поднялось солнце. «Просветится облак светлым блистанием». Дружина, разобравшись по полкам, которые теперь имели по 150—160 воинов, стала на молитву. Суровые казаки, привыкшие вверять судьбу свое скорее сабле, чем богу, на этот раз молились усердно. Каждый сознавал необычную торжественность наступающего дня. После краткой речи атамана дружина погрузилась на струги и двинулась к Чувашскому мысу. Ермак приказал поднять боевые знамена и играть музыку. Под лучами восходящего солнца густой туман почти рассеялся и только в логах да над водой продолжал куриться белой дымкой.

Флотилия шла левым берегом, а затем, круто развернувшись вправо, устремилась к Княжему лугу. Татары не препятствовали высадке. Маметкул со своими воинами ждал приближения врага за засекой, у подножия мыса. Приняв боевой порядок, казаки «начаша приступать к засеке мужественно и сурово зело». На стругах остался один полк.

Подойдя на расстояние ружейного выстрела, атаман «товарищам своим казакам повеле... стрелять половине, а другой стояти до исправы» (т. е. заряжать ружья). Но

¹ Сибирские летописи, стр. 23.

испытанный огневой удар не дал должного эффекта. Противник сидел за укрытием и был почти неуязвим. Татары «пустиша стрелы тмочисленные с верху засеки и из бойниц». Много казаков было убито и ранено. Урок, полученный Маметкулом в сражении у Бабасан, как видно, не прошел даром.

Ермак, ни на минуту не упускавший руководства боем, решил во что бы то ни стало вывести неприятеля на открытое место и навязать ему рукопашную схватку. Уловив момент, он подал сигнал к отходу. Казаки поспешно вышли из простреливаемой зоны. Татары по опыту своему приняли этот маневр за начавшееся бегство противника и, разломав в трех местах засеку, бросились преследовать отступавших. Этой минуты только и ждал Ермак. По его приказу казаки прекратили отход и пошли на неприятеля. Началась ожесточенная рукопашная схватка. «И в то время,— пишет летописец,— на выласке составившаяся брань велия, крепко бьются дондеже друг друга за руке емлюще сечахуся»¹. Как обычно, татары наступали толпами, не соблюдая никаких боевых порядков. Впереди прокладывал дорогу мечом богатырь Маметкул.

Хан Кучум наблюдал за ходом битвы с высоты Чувашского мыса. Его окружали карача, абызы и муллы. На помощь татарам поступали сверху свежие подкрепления из хантов и манси. Оставшиеся на мысу обстреливали из луков казачьи струги и воинственными криками воодушевляли своих соплеменников.

Ермак, сняв со стругов последнюю сотню, сам повел ее в бой. Дружным натиском пробились казаки к засеке и поставили на ней боевое знамя. Пал раненым Маметкул. Выхваченный из сечи своими воинами, он был увезен в маленькой лодке за Иртыш. Боевое счастье начало клониться на сторону Ермака. Исчезновение с поля боя храброго предводителя ослабило боевой дух татарского войска.

¹ Сибирские летописи, стр. 24.

Первыми дрогнули и побежали к проломам в засеке ханты и манси. Паника передалась татарам. Скоро дружина овладела всей засекой и утвердила на ней свои боевые знамена. Тесня друг друга, узким крутым логом уходили кучумовцы на Чувашский мыс. Казаки наседали на отступавших и рубили их саблями. «Блата собираеся тогда от ыстекших кровей»,— резюмирует летописец¹.

Хан приказал муллам обратиться за помощью к Аллаху, а сам молча наблюдал гибель лучшей части своего войска. Пораженные трахомой глаза его непрерывно слезились. Но и слепому было ясно, что битва проиграна.

Не желая рисковать жизнью своих воинов, Ермак отказался штурмовать укрепления на мысу и велел протрубить отбой. Отойдя за сырой Княжий луг, дружина разбила походный лагерь за речкой Курдюмкой, на мысу, противоположном Чувашскому². Пять лет спустя на этом месте письменный голова Данила Чулков и Ермаков атаман Матвей Мещеряк поставят стольный город русской Сибири Тобольск.

Казаки перенесли со стругов, заведенных в Курдюмку, весь свой немудрящий скарб и устроились на ночлег. Атаманы доложили Ермаку о понесенных потерях. 107 воинов осталось лежать под Чувашским мысом³. О количестве раненых нам ничего не известно, но, надо думать, оно было также значительным. По крайней мере, четвертая часть боевой дружины навсегда или временно вышла из строя. Сколько потеряли в бою кучумовцы, источники не сообщают. Бесспорно, их потери намного превышали потери Ермака. Кроме того, казаки много татар «живцом взяли», т. е. пленили.

Анализ описанного сражения невольно наводит на размышления, почему Маметкул решил остановить дружину

¹ Сибирские летописи, стр. 200.

² М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965, стр. 68.

³ Сибирские летописи, стр. 353.

Ермака у Чувашского мыса, где негде было развернуться коннице — ударной силе войска, которым он командовал. В открытом поле все преимущества были бы на его стороне. Можно только предполагать, что ханский военачальник утратил веру в свою конницу еще в бою при Бабасанских юртах. Возможно, на выбор боевой позиции повлиял сам Кучум, хитрый политик, но плохой стратег. Как бы то ни было, татары допустили крупный просчет, выбрав место для генерального сражения на Княжем лугу. Ермак немедленно использовал этот просчет, навязал противнику рукопашный бой и выиграл сражение.

Битва была выиграна, но война с Кучумом еще не закончилась. Хан с войском укрылся за земляным валом Чувашского городка. Он не думал складывать оружие и намеревался с рассветом возобновить сражение. Всю ночь хан и его мурзы возносили молитвы Аллаху, прося даровать победу над неверными. У татар оставалось много укрепленных городков, в их числе и главный город ханства — Искер. Однако к утру обстоятельства круто изменились, и Кучум не сумел реализовать своих планов. В ночь с 23 на 24 октября под покровом темноты хантейские и мансийские князья со своими отрядами тайно покинули Чувашский городок, не желая больше проливать кровь за чуждые им интересы татаро-бухарской знати. Обнаружив бегство своих вассалов, утром 24 октября хан оставил Чувашское укрепление и с остатками войска ушел в Искер.

Некоторые летописи, описывая бой под Чувашским мысом, рассказывают, что кроме обыкновенного оружия (луков, копий, сабель) Кучумово войско имело две железные пушки, стрелявшие 20-фунтовыми ядрами. Во время сражения татары пытались пустить их в дело, но почему-то «пушки стрельбы не дали», и Кучум, раньше чем покинуть мыс, велел их сбросить в Иртыш, чтобы они не достались русским. Голландский путешественник Витсен в книге «Северная и Восточная Татария» к этому рассказу добавил: после присоединения Сибири одну из пушек казаки из-

влекли из реки и поставили в Тобольске¹. Г. Ф. Миллер, скрупулезно изучивший все, что касалось похода Ермака, отказал в достоверности этим известиям. Он писал: «Этому нет ни малейшего подтверждения ни в летописях, ни в архивных делах, ни в преданиях местных жителей, ни в наличном составе имеющейся в настоящее время в Тобольске артиллерии»². Вероятно, в сражении на Иртыше артиллерии не было ни у той, ни у другой стороны.

Битва у Чувашского мыса явилась одним из ярчайших событий героической истории русского народа. К ней не раз обращались историки, писатели и поэты. Героический подвиг воинов Ермака запечатлели на полотнах многие художники. Считаю нелишним сказать здесь о некоторых отступлениях от исторической действительности в наиболее известной картине на этот сюжет — «Покорение Сибири» В. И. Сурикова. На них в свое время совершенно справедливо указал замечательный русский баталист В. В. Верещагин³. Во-первых, воины Ермака на картине вооружены не фитильными ружьями того времени, а кремневыми, которые появились только столетие спустя. Во-вторых, одеты казаки в кафтаны не XVI, а XVII века. В-третьих, дружинники во время сражения стоят в стругах, не укрываясь от стрел противника, в действительности они наверняка залегли бы. В-четвертых, на картине татары заняли высокий мыс, откуда ведут обстрел казаков, дружина Ермака атакует их на стругах. Вряд ли атака высокого берега с судов могла быть успешной. Даже если дружине удалось бы высадиться на берег, ее потери были бы громадны еще до высадки: противник расстреливал ее в упор из луков. В таком случае Ермаку мало помогло бы и огнестрельное оружие, требовавшее времени на перезарядку.

Но вернемся к дальнейшим событиям. Два дня после

¹ Э. П. Зиннер. Указ. соч., стр. 20.

² Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 230.

³ В. В. Верещагин. Листки из записной книжки. М., 1898, стр. 8—9.

битвы дружина Ермака оставалась на месте. Казаки хоронили убитых товарищей, перевязывали раны. На третий день, 26 октября, поднявшись на Чувашский мыс, покинутый противником, они в пешем порядке двинулись на Искер. Со слов пленных Ермак хорошо знал путь, но и без их помощи невозможно было сбиться с дороги, утоптанной тысячами конских копыт. Она то опускалась в глубокие долины, то поднималась на взгорья. Окружавший ее хвойный лес равнодушно и сонно шумел к непогоде. Изредка, когда дорога подходила совсем близко к берегу, мелькала серая лента Иртыша. По реке густо шел лед.

К полудню дружина подошла к Искеру. С любопытством первооткрывателей смотрели казаки на ханскую столицу. К сожалению, ни одна из сибирских летописей не содержит ее описания. Искер, насколько можно судить по данным археологических раскопок, состоял из собственного города и примыкавшего к нему поселения, в котором жили «черные» люди и ханские воины¹. Сам город занимал сравнительно небольшую площадку, заключенную между обрывистым берегом Иртыша и оврагом; по которому среди лесных зарослей бесшумно текла речка Сибирка. С полевой стороны, единственно доступной для неприятеля, город защищал высокий земляной вал, параллельно которому тянулся глубокий ров с отвесными со стороны крепости скатами. По краю рва, во всю длину вала шла площадка, окруженная полисадом; отсюда осажденные могли забрасывать стрелами, копьями и камнями отважившегося на штурм города врага. Через ров к крепостным воротам был перекинут деревянный мост, который на случай опасности легко убирался. Через него широкая тропа вела к Сибирке и колодцу, вырытому на склоне оврага.

Небольшие размеры города говорили о том, что в мирное время в нем жили хан, его приближенные, прислуга и

¹ В. Пигнатти. Искер. — «Ежегодник Тобольского губернского музея». Вып. 25, 1915, стр. 16—17.

стража. Во время вражеского нападения здесь могло разместиться и войско.

На расстоянии ружейного выстрела от крепостного вала дружина остановилась. Из крепости не доносилось никаких звуков. «Не бе во граде никакого гласа». Только раскрытые настежь ворота скрипели на ржавых петлях. Казаки настороженно прислушивались к безмолвию словно вымершего города, готовые в любую минуту взяться за оружие. Тишина казалась подозрительной. «И мняше себе козаки, — пишет летописец, — яко лукавствуют погании над ними и нечто лукавнуше». Но никакого лукавства тут не было. Кучум, прискакав с Чувашского мыса, не задержался в Искере, а «взя мало нечто от сокровищ своих и вдашася невозвратному бегству со всеми вои [воинами] своими, град же свой Сибирь оставиша пуст». Грозная крепость пала без единого выстрела.

Казаки нашли в ханских покоях золото, серебро, камень многоценное, большое количество собольих, куньих и лисьих мехов. По волжскому обычаю все ценности тут же подверглись дележу. Но продовольственные запасы города оказались ничтожными. Ермак понял, почему ханская твердыня так легко досталась его дружине. Искер, не имея ни продовольствия, ни воды (путь к колодцу и Сибирке легко было отрезать), не мог выдержать даже непродолжительной осады.

Заняв Искер, Ермак решил остаться в нем на зиму. Созванный казачий круг утвердил это решение.

В Москве еще жили старыми представлениями о Сибири. Там не знали о том, что «вор» Ермак Тимофеев сын Поволской с горсткой таких же «воров и разбойников» сбил с куреня Кучума-царя (выражаясь языком казаков) и Сибирского ханства больше не существует. Не знали об этом и Строгановы. Невольное участие в снаряжении похода обернулось для них пока что царской опалой, грозившей потерей всех долговременных приобретений.

После ухода Ермака в Сибирь события на Каме и

Чусовой развивались таким образом. В начале сентября 1581 года пельымский князь Кихек, собрав до 700 человек хантов, манси, вотяков и башкир и «ярости многи наполнися», вторгся в Пермь Великую. Сжигая по пути русские поселения, он дошел до Чердыни и едва не взял ее, повернул на Кай-городок и там «велию пакость учинил», затем опустошил окрестности Соли Камской, пожег слободы и деревни строгановских вотчин на Каме и Чусовой. Много людей было уведено в плен.

Чердынский воевода В. Пелепелицын, страшась царского гнева за плохую оборону русских владений, в донесении царю всю вину за постигшее бедствие взвалил на Строгановых. Строгановы, писал он, призвали с Волги вольного атамана Ермака с казаками, посылали их воевать соседние племена и тем самым спровоцировали набег пельымского князя на Пермь Великую. В самый же разгар нашествия они отказались помочь Чердыни, а Ермака с дружиной отправили в Сибирь.

Свой донос В. Пелепелицын отправил только в 1582 году, почти год спустя после событий. Раньше он сделать этого не мог, так как главным воеводой на Чердыни был покровитель Строгановых князь И. М. Елецкий, а Пелепелицын состоял при нем товарищем (помощником).

Донесение из Чердыни пришло в Москву в тяжелые дни. Внешнеполитическое положение России в начале 80-х годов XVI века было неблагоприятным. Русские войска терпели поражения в Ливонии. Войска короля Батория заняли Полоцк, Великие Луки, угрожали Пскову и Новгороду. Все союзники отошли от Москвы. Грозного царя преследовал кошмар всеобщего заговора, и он всерьез просил английскую королеву Елизавету Тюдор предоставить убежище в Англии. Долголетняя война за выход к Балтийскому морю оказалась безрезультатной.

И вот новая весть: по вине неблагодарных купцов едва не потеряна Пермь Великая. Известие вызвало в надломленной душе самодержца новую волну необузданного

гнева. По его указу 16 ноября 1582 года Максиму и Никите Строгановым (Семен Строганов в 1581 году находился в Москве, и потому царь не считал его причастным к походу Ермака) была направлена грозная грамота¹. Призыв Ермака на Чусовую и организация похода в Сибирь квалифицировались в ней как «воровство» и «измена».

Царь приказал Ермака и казаков, как только они вернутся к весне из похода (в Москве считали поход Ермака кратковременной экспедицией в ближайший район Зауралья), отправить в Чердынь и Камское Усолье для сторожевой службы, оставив в строгановских городках не более 100 человек. «А не вышлите из острогов своих в Пермь волских казаков атамана Ермака Тимофеева с товарищи,— писал царь Строгановым,— а учнете их держать у себя и Пермских мест не учнете оберегати, и такую вашу изменою что над Пермскими месты учинитца от вогулич и от пелынцов, и от сибирского салтана людей вперед, и нам в том на вас опала своя положить большая, атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешати». Таким образом, Иван IV Грозный пообещал Ермаку и его сподвижникам виселицу во второй раз.

Рискуя уклониться в сторону, заметим, что грамота 16 ноября 1582 года является краеугольным камнем «строгановской» концепции похода, поскольку в ней категорично утверждается: Строгановы послали дружину Ермака в Сибирь. Но, как видно из обстоятельств появления и самого содержания этой грамоты, обвинение Строгановых в организации похода построено исключительно на основе доноса их недоброжелателя воеводы Пелепелицына, который, чтобы создать нужное впечатление в Москве, подал события в невыгодном для Строгановых свете. Поэтому указания грамоты не могут быть приняты как решающий

¹ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., приложение № 7.

аргумент в решении вопроса, кто был инициатором и организатором похода в Сибирь.

Опала недолго угрожала Строгановым. Победоносный поход Ермака не только реабилитировал, но и поднял их в глазах царя как верных слуг трона. Впрочем, с приходом первого посольства Ермака в Москву обстоятельства похода достаточно разъяснились. Как пишет А. А. Преображенский, правительство царя Федора в дипломатических актах постоянно колебалось между признанием ведущей роли правительства в деле присоединения Сибири и полу-признанием самостоятельной и активной деятельности казаков, совершенно не отмечая в этом заслуг Строгановых¹.

НА СИБИРСКОМ „ВОЕВОДСТВЕ“

По классическим законам Востока, свергнувший хана сам становился ханом. На этом основании бывшие вассалы Кучума потянулись в Искер с изъявлением покорности новому владыке. Уже на четвертый день после занятия ханской столицы к Ермаку явился хантейский князь Бояр со своей свитой и привез в подарок кроме массы ценной «мягкой рухляди» (мехов) много съестных припасов и особенно рыбы, которые пришлось как нельзя кстати. Волжский атаман доказал, что умеет воевать лучше царских воевод. Теперь от него требовались иные качества. Он должен был показать, что не хуже воевод умеет и управлять.

Ермак скоро вошел в новую роль и обнаружил недюжинные способности административного деятеля. До сих пор он был озабочен лишь тем, как уничтожить противника, сейчас же стремился наладить мирные отношения. И в этом духе воспитывал своих атаманов и казаков.

¹ А. А. Преображенский. Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири. — «Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка». М. — Л., 1964, стр. 383—390.

Умный и дальновидный начальный атаман хорошо понимал, что ему не удержаться в Искере, если он будет опираться только на казацкую саблю.

Князь Бояр был принят приветливо и с надлежащими почестями отпущен домой. Ермаку было известно, что хантейское ополчение первым покинуло стан Кучума, поэтому у князя не потребовали даже аманатов (заложников). Слух о добром приеме распространился по всем улусам. В Искер с приношениями пришли татары с Иртыша, Тоболà и их притоков. Некоторые из них раньше жили близ Искера и в окрестных местах, но после Чувашской битвы бежали в отдаленные улусы. Ермак разрешил им жить в прежних юртах и обещал защиту от всяких врагов. Бывшие вассалы Кучума приносили присягу на верность России. В текст ее, составленный не без участия Ермака, были включены слова о дружбе и доверии к русским людям: «...на всяких русских людей зла никакова не мыслить и не творить и во всем правом постоянстве стоять крепко и непоколебимо до века»¹.

Жизнь улусов входила в привычное русло. Татары, ханты и манси перешли к своим обычным делам: ловили рыбу, охотились на зверей, справляли обряды по законам предков. Ермак отличался большой веротерпимостью и, вопреки уверениям летописцев и дворянских историков, не пытался привести новых подданных в христианскую веру. Даже в Искере сохранялась мечеть, а близ него — мусульманское кладбище. Казаки небольшими отрядами разъезжали по улусам, не замечая каких-либо враждебных настроений. Они начали быстро сходитьсь с улусными людьми, передавали им свой и перенимали их житейский и трудовой опыт. Татары сообщали, где лучше ловится рыба, где и какой водится зверь. Много полезного русские воины узнали об обработке шкур и тонкостях таежной

¹ ЦГАДА, ф. 197, Портфели А. Ф. Малиновского, портфель 3, д. 9, л. 1.

охоты. Казаки усвоили наиболее обиходные слова татарской, а татары — русской речи.

Историк П. Небольсин утверждал, что сближению казаков с местным населением во многом способствовали женщины. С завершением похода аскетизм победителей заметно пошатнулся, да и невозможно было теперь атаманам уследить за поведением каждого казака. Мы не уйдем далеко от истины, если заметим, что молодые отважные казаки пользовались успехом у туземных красавиц. Служители Христа, прибывшие с дружиной в Сибирь, со своей стороны снисходительно смотрели на увлечения молодой паствы. Что это не досужий домысел, говорит такой факт: когда в Тобольск прибыл первый архиепископ, он был буквально поражен обилием смешанных браков, не освященных церковью. Некоторые казаки восприняли обычай Востока и завели по нескольку жен. Короче говоря, в Сибири налаживалась мирная жизнь.

Но старый и опасный враг Кучум и татарская знать, потерявшая свои улусы, не смирились с новым порядком вещей и ждали лишь удобного случая, чтобы напасть на русских. Такой случай им скоро представился. 5 декабря 1582 года Ермак послал есаула Богдана Брызгу с 20 казаками ловить рыбу на Абалацком озере, за несколько верст от Искера. Более месяца спокойной жизни, дружеские связи с татарами притупили бдительность молодых воинов. После трудового дня они беззаботно улеглись на ночлег. На этом озере обычно ловили рыбу татары. Возможно, кто-то из них сообщил о казаках Маметкулу, который оправился от ран и скрывался где-то поблизости. Маметкул с группой воинов неожиданно напал на спящих и перебил их. Только одному казаку удалось спастись и в ту же ночь сообщить Ермаку о случившемся¹.

Недавно найденный Синодик несколько иначе описывает это событие: «Тое же зимы Ермакове и дружине, безо

¹ Сибирские летописи, стр. 27.

опасения им идущим к рыбной ловле под Обалак декабря в 5 день. И внезапно приидоша на них нечестивыя воинством и побиша на том деле Окула, Ивана, Карчигу, Богдана Брязгу и с их дружиною»¹.

Гибель казаков и общего любимца Брязги заставила Ермака вновь взяться за меч. «Ермак же о сем оскорбился много зело, на гнев подвижася, взъярися сердцем велми и повеле дружине своей препоясаться оружием и шед на брань»,— сообщает летописец. С отрядом казаков атаман без промедления пустился в погоню и под Абалаком настиг татар. В короткой схватке отряд Маметкула был разбит, и лишь немногим во главе с предводителем удалось бежать от возмездия. На обратном пути казаки захватили тела убитых товарищей и похоронили их в 7 верстах от Искера, на Саусканском кладбище.

Кто хочет другими управлять, пусть сначала научится владеть собой,— гласит древнерусский афоризм. Ермак умел подавлять волей и подчинять разуму свои чувства, когда в этом возникала необходимость. На второй день после гибели Брязги и его товарищей в Искер явились татарские мурзы Ишбердей и Суклем. Первый прибыл с Тавды, второй—с Тобола. Ничем не выдал своего горя Ермак, любезно принял обоих мурз и привел к присяге государю московскому.

У Ермака не было оснований питать верноподданнические чувства к русскому самодержцу, и он не испытывал их ни в те времена, когда грабил на Волге царскую казну, ни теперь, когда стал повелителем целой страны. Но Ермак не отождествлял Русь, свою родину, с царским двором. Вышедший из толщи народной, он любил Россию, и это чувство еще более окрепло и обострилось вдали от нее. К России были обращены все его помыслы. Ей он верно служил, ведя своих товарищей в Сибирь. О ней думал, принимая шерсть от новых подданных.

¹ Е. К. Ромодановская. Указ. соч., стр. 20.

Последняя битва Ермака. Картина неизвестного художника XVIII века.

Приведя в русское подданство татарских феодалов, отложившихся от Кучума, и родо-племенную знать ближайших хантейских и мансийских племен, Ермак снарядил первое посольство в Москву. Этот шаг был обдуман со всех сторон. Атаман понимал, что удержать обширный край с небольшим числом воинов невозможно. Чтобы утвердиться в новой земле, надо ставить города и остроги с более или менее значительными гарнизонами. Вопрос о посольстве решал круг. Нетрудно было убедить казаков в необходимости закрепить плоды их ратных подвигов присоединением Сибири к России. Круг определил и состав посольства. Его возглавил первый помощник Ермака атаман Иван Кольцо. С ним шел в Москву атаман набранных у Строгановых иноземцев Черкас Александров¹.

Все предусмотрел Ермак, чтобы посольство достигло цели. Принимая мурз и князьков, он присматривался к ним и думал, кого из них можно использовать в качестве проводника. Выбор пал на мурзу Ишбердея. В беседах с ним атаман убедился, что тот хорошо знал кратчайший и менее опасный путь в Пермь Великую и с искренним дружелюбием относился к русским. Прибыв в Искер, как сказано, 6 декабря, Ишбердей со своими людьми оставался здесь до тех пор, пока Кольцо готовился к отъезду. Это дало возможность Ермаку еще ближе узнать его и убедиться в правильности своего выбора.

Наконец сборы закончились. В распоряжение посольства мурза предоставил олени упряжки. На нарты уложили разобранные по сортам меха соболей, чернобурых лисиц и бобров — ясак с сибирских народов. 22 декабря 1582 года Иван Кольцо и Черкас Александров в сопровождении Ишбердея и 25 казаков оставили Искер².

¹ Сибирские летописи, стр. 281.

² По другим сведениям, Иван Кольцо взял с собой 50, по третьим — только 5 казаков. (См.: Сибирские летописи, стр. 281, 300, 308.)

По заснеженной пустыне, руслами рек, лесами, скованными морозом болотами вел Ишбердей казачий поезд. Быстроногие олени легко несли нарты. Останавливались только на ночлег где-нибудь в лесу, реже в знакомых проводнику юртах. Дорога, особенно зимняя, всегда располагает к размышлениям. Тревожные думы овладели послем Ермака. Он сознавал всю ответственность возложенного на него поручения. От посольства зависела судьба результатов ратного труда всей дружины. Почетной и трудной была его миссия. Приходилось опасаться внезапного набега кучумовцев, которые, несмотря на всю предосторожность, принятую Ермаком, могли заметить большой обоз нарт, выехавший из Искера. Беспокоила Кольцо и встреча, которая ожидала его в Чердыни. Не поверит воевода, прикажет перевязать казаков и бросить в темницу, как воров и разбойников. Еще худшее могло случиться в Москве. Атаман дословно помнил указ о предании его публичной казни за погром ногайской столицы.

В верховьях Тавды встали на лыжи и дальше шли через Камень «Волчьей» дорогой, названной так то ли потому, что здесь суда перетаскивались волоком, то ли по причине первозданной дикости местности, по которой она пролегала.

На Чердынь прибыли после рождественских празднеств. Здесь Кольцо распростился со своими добрыми проводниками. Летописи не сообщают, как приняли в Перми Великой Ермакова посланца. Но достоверно можно утверждать, что худшие опасения не оправдались. К тому времени на Пермском воеводстве произошли перемены. Василия Пелепицына сменил новый наместник Воин Оничков. Начальником воинских сил Пермского края был назначен голова Иван Глухов¹. Без сомнения, В. Оничков получил грамоту царя по поводу Ермака и его дружины, аналогичную той, которая адресована Строгановым, но из отписки Ер-

¹ А. А. Введенский. Указ. соч., стр. 105.

мака понял, что обстоятельства коренным образом изменились и эта грамота утратила силу. Иван Кольцо не только беспрепятственно был отпущен к Москве, но и снабжен подорожной на право брать лошадей на всех ямах по дороге в столицу. Возможно, такая предупредительность чердынских властей имела своим основанием и щедрые дары казаков.

Время прибытия Ивана Кольца в Москву неизвестно. По всей вероятности, казаки достигли столицы в конце января 1583 года. Важность известия скоро открыла им доступ ко двору. Царь Иван IV, только что переживший горечь крушения лучших своих надежд в Ливонской войне, милостиво принял послов Ермака, велел «отписку у них перенять и вычесть перед своим царским лицом». Вот этот документ в изложении Саввы Есипова¹.

«Всемилоостивого в троице славимого бога и пречистия его богоматери и великих чудотворцев всея России молитвами, тебе же государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России праведною молитвою ко всещедрому богу и счастием — царство Сибирское взяша, царя Кучума с вои его победиша и под твою царскую высокоую руку покориша многих живущих иноземцев: татар и остяков, и вогулич, и к шерти их, по их вере, привели многих, чтобы быти им под твоею государскою высокою рукою до века, покамест бог изволит вселенной стояти, — и ясак давати тебе великому государю всегда, во вся лета безпереводно. А на русских людей им зла никакого не мыслити, а которые похотят в твою государскую службу — и тем твоя государская служба служить прямо, недругом твоим государским не спускать, елико бог помощи сподаст, а самим им не изменить, к царю Кучуму и в иные орды и улусы не отъехать, и зла на всяких русских людей никакова не думать, и во всем правом постоянстве стояти».

В этом документе, вышедшем из войсковой канцелярии

¹ Сибирские летописи, стр. 282.

Ермака, о Строгановых не сказано ни слова. Казачий писарь, видимо, основательно поднаторел в составлении официальных бумаг и в отписке неукоснительно следовал их трафарету. Вся заслуга в блестящем завершении похода отнесена на счет божьей воли и молитв царя. Обращает внимание то, что в отписке Ермак ни о чем не просил царя ни для себя, ни для своей дружины. Лишь устно поручил передать, чтобы царь направил в Сибирь воевод с надлежащим числом воинов.

За последние три года это было первое доброе донесение в Москву. До сих пор царь получал известия только об утратах и поражениях. «Казалось, — замечает Н. М. Карамзин, — что Сибирь упала тогда с неба для россиян»¹.

По сообщению летописей, И. Кольцо и казаки были окружены при дворе всеобщим вниманием. Для постоя им отвели лучшие дворы, к столу ежедневно подавали обильный харч и пития из царских погребов. Рассказывают, что сам влиятельнейший сановник Борис Годунов счел за честь принять посла Ермака в своем доме. Каждый казак получил от царя подарок: деньги и кусок английского сукна. Иван Грозный в ознаменование столь важного события приказал в главном соборе Москвы отслужить благодарственный молебен. Имя Ермака было у всех на устах. Из вора и разбойника в мгновение ока он стал самым славным и популярным героем на Руси.

Наши источники умалчивают о том, что делал в столице командир «иноземного» полка Черкас Александров. Надо полагать, он прибыл в столицу ходатайствовать о свободном пропуске на родину пленных, участвовавших в сибирском походе, и получил положительный ответ.

Иван Кольцо и казаки, с достоинством неся непривычное бремя неожиданно обрушившейся на них славы, не

¹ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. 9, стр. 341.

думали, однако, долго греться в ее нежных лучах. Они спешили на берега Иртыша, где нетерпеливо ждал их Ермак. При отправлении в Сибирь И. Кольцо была вручена «похвальная» царская грамота для Ермака, выражавшая признание его высоких заслуг. Царь «милостиво отпустил вины» атаману и всем его сподвижникам. Вместе с этим в подарок Ермаку царь послал два панциря, украшенных золотыми орлами, серебряный кубок, дорогую шубу из своего гардероба и неизменный кусок заграничного сукна. Всем казакам было повелено положить «государево большое жалованье». До прихода воевод царь поручал Ермаку вершить от его, царского, имени все сибирские дела. Так бывший волжский атаман фактически стал воеводой Сибири.

Ермаково посольство возвращалось назад тем же путем на казенный счет. Вполне вероятно, что по дороге к ним присоединилось много «гулящих» и беглых людей, привлеченных рассказами о вольной жизни за Уралом. 1 марта 1583 года резвые олени верного Ишбердея доставили Кольцо и его свиту в Искер. Ермак организовал прибывшим торжественную встречу. На круге посол подробно рассказал о своем визите в Москву. Многие казаки, может быть, только сейчас впервые осознали до конца великий смысл совершаемого ими дела. Восстановилась связь, казалось, с навсегда потерянной родиной, и они снова почувствовали себя не отверженными париями, а частью своего народа.

Пока Кольцо путешествовал в Москву, Ермак не сидел без дела и добился новых успехов в Сибири, самым значительным из которых было пленение Маметкула. Оно произошло при следующих обстоятельствах. 20 февраля 1583 года, как сказано в «Истории Сибирской» Ремезова, в Искер явился Кучумов «ближний» мурза по имени Сенбахта Тагин и сообщил, что военачальник хана с небольшим отрядом стоит на реке Вагае, за сотню верст от Ис-

кера. Ермак отобрал 60 молодых казаков и поставил перед ними задачу — разбить татар, а Маметкула взять в плен живым. Отряд блестяще выполнил задание. Выследив противника близ Куларовского озера, казаки ночью напали на его стан, перебили большую часть воинов, а самого Маметкула обезоружили, связали и доставили к атаману. Так в четвертый, и последний, раз встретились два смертельных врага. Этой победе Ермак придавал большое значение. Ханское войско лишилось наиболее видного предводителя. Не дав овладеть собой чувству мести, атаман по-рыцарски принял знатного пленника. Ему отвели в городе отдельное жилище, снабжали в достатке продовольствием, оставили в услужение несколько пленных. Правда, резиденция Маметкула находилась под усиленным караулом, который не снимался ни днем, ни ночью.

Ермак рассчитывал, что пленение лица, близкого хану, побудит последнего искать примирения с русскими или по крайней мере предостережет его от набегов на Искер. Но Кучуму некогда было думать о племяннике и храбром «воеводе». Давно и справедливо замечено: кто многим страшен, тот будет многих бояться. Надменный хан, 20 лет державший в страхе вассалов, после поражения у Чувашского мыса сам стал страшиться своих подданных. Один за другим мурзы отказывались признавать его власть. Вышел из повиновения самый могущественный из татарских феодалов, ближайший советник Кучума карача. Покинув хана, он со своими людьми откочевал вверх по Иртышу. Отвернулись от Кучума правители Бухары. Он не оправдал их надежд остановить русских на Урале. В Бухаре считали его главным виновником гибели Сибирского ханства. Поэтому влиятельные круги бухарских феодалов выдвинули нового кандидата на сибирский трон — сына Бекбулата Сеид-Ахмата, который и появился в степях Прииртышья, чтобы оспаривать у Кучума престол своих предков.

От дружественных татар Ермак знал о распрях Кучума с мурзами, поэтому, не ожидая большой опасности с юга, занялся в первую очередь Севером. Весной 1583 года был организован большой поход в низовья Иртыша и Оби. По Кунгурской летописи, его возглавил есаул Брязга, что противоречит приведенным выше показаниям Синодика о гибели Брязги у Абалацкого озера. Вероятно, на Север ходил сам Ермак, оставив Искер на попечение «первого заместителя» Ивана Кольцо, только что прибывшего из Москвы.

За три с половиной месяца отряд прошел от устья речки Аремзянки, правого притока Иртыша, до кодских городков на нижней Оби и обратно. После взятия Искера казаки нашли в нем и соседних татарских юртах брошенных Кучумом лошадей. Поэтому часть похода на Север была проделана на конях. В этом походе отчетливо проявилась дальновидная политика Ермака в отношении сибирских народов. Не желая получить разоренную и обезлюденную страну, он лишь в случаях крайней необходимости прибегал к оружию.

Не задерживаясь в волостях, ранее добровольно принявших подданство и доставивших ясак в Искер, отряд подошел к Аремзянскому укрепленному городку. Сидевший там мурза не пожелал мирно сложить оружие. Казаки принуждены были взять городок приступом. Но, несмотря на оказанное сопротивление, Ермак не отдал его на поток и разграбление, а ограничился только казнью мурзы и его приближенных, подстрекавших татар к борьбе с русскими. Приняв присягу у жителей на верность, атаман собрал ясак мягкой рухлядью, хлебом и рыбой и отправил его в Искер.

От устья Аремзянки отряд направился к Наддинской и Карабинской волостям, жители которых без малейшей задержки доставили весь требуемый с них ясак. В соседней Туртасской волости местный владетель, засев в городке, вынудил Ермака снова обнажить саблю, но и здесь

никто из рядовых ясачных людей не пострадал от казаков.

Дальнейший путь отряда пролегал по хантейским и мансийским землям. На речке Демьянке находились владения хантейского князька Демьяна. Он вместе с другим князьком с речки Конды Романом попытался оказать сопротивление, собрав в укрепленном месте множество вооруженных людей. Городок с многочисленным гарнизоном мог надолго задержать Ермака, но после трехдневной осады рядовые воины самовольно покинули укрепление и разбежались по окрестным лесам. Ушел на Конду и союзник Демьяна князек Роман. Казаки заняли городок и некоторое время оставались в нем. Небольшими группами жители скоро стали возвращаться на свои места и приносить Ермаку присягу и ясак.

Тем временем казаки строили суда, чтобы дальше идти водой. Лошадей и собранный ясак под присмотром небольшой охраны Ермак отправил в Искер. Вплоть до самой Оби отряд не встречал сколько-нибудь сильного сопротивления. Летопись сообщает любопытный эпизод, довольно характерный для отношений казаков к коренным жителям. Неподалеку от Цингалинских юртов и Нарымского городка Иртыш течет меж высоких крутых берегов. Здесь ханты попытались напасть на казацкий отряд, следовавший на стругах, но первый и единственный залп из ружей обратил их в бегство. Казаки без помехи заняли и юрты, и городок, в которых нашли только женщин и детей. С наступлением ночи ханты поодиночке стали приходить к жилью, чтобы узнать, что стало с их семьями. К своему удивлению и радости, они увидели, что русские воины, которых они днем пытались поразить стрелами, ласково играют с их детьми. «Оглядаясь и видя, яко не бьют жен их и детей, точию ласкают», утром ханты собрались все и поклонились Ермаку полным ясаком.

20 мая отряд вышел на Обь. Главный князь здешних хантов Самар, узнав о приближении казаков, с подвласт-

ными ему людьми (в их числе было 8 зависимых князьков) решил дать им отпор близ своих юртов. Казаки проплыли по небольшой протоке Иртыша и рано утром вышли к хантейскому юртам. На берегу они нашли только спящий караул, который тут же перебили. Князь Самар проснулся от шума и схватился за саблю, но тотчас же был также убит. Князьки бросились наутек, а рядовые ханты не оказали никакого сопротивления.

Целую неделю оставался отряд в городке. Некоторые князьки пришли к Ермаку и принесли ясак со своих людей. Одного из них, богатого князька Алыча, атаман поставил главным князем вместо убитого Самара. Выбор был сделан чрезвычайно удачно. Князь Алач и его потомки верой и правдой служили русской короне, держа в повиновении всю Нижнюю Обь.

Таким образом, в результате похода все племена, обитавшие по обоим берегам Иртыша вплоть до самой Оби, признали русское подданство. На стругах, нагруженных ясачными мехами, возвращались казаки из удачного похода. Возвращение походило на триумфальное шествие победителей. В каждом местечке «лутчие» люди покорно выезжали к ним навстречу и с такой же покорностью провожали их от юрта до юрта. Казаки со своей стороны держали себя надлежащим образом, желая внушить этим людям уважение к себе и русскому народу. При каждой встрече они надевали самое лучшее и дорогое платье, музыканты неутомимо играли бравурные песни. На всем пути от Самарского городка до Искера отряд не потерял ни одного человека. Берега Иртыша действительно казались умиротворенными и тихими.

В начале весны следующего, 1584 года Ермак предпринял новую экспедицию на Север, чтобы закрепить и продолжить дело, начатое первым походом. Оставив в Искере сравнительно большой гарнизон, начальный атаман с небольшим отрядом быстро спустился по Иртышу и вышел на Обь. Летописи очень скупо описывают этот поход, а

некоторые из них вообще сливают его с походом предыдущего года. Видимо, хантейские кодские городки, расположенные на нижней Оби, сдавались казакам без боя или после непродолжительной осады. Только Назымский городок оказал упорное сопротивление. Его пришлось брать приступом. В бою пало много воинов, в их числе и храбрый атаман Никита Пан. Синодик только поименно называет 16 человек убитых и умерших от ран¹. По-видимому, еще больше было погибших, имена которых остались неизвестными.

Итогом этой экспедиции явилось распространение русской власти на побережье нижней Оби. 20 июня отряд благополучно прибыл в Искер, привезя с собой много ценных мехов.

Деятельная натура Ермака не знала ни отдыха, ни покоя. Казалось, он предчувствовал свою скорую гибель и в оставшееся время хотел сделать как можно больше, прочнее закрепить новые земли за Россией. Через 10 дней после возвращения с Оби Ермак возглавил новый поход на реку Тавду, в местность, занятую татарами и манси.

В низовьях Тавды казаки с ходу овладели городком татарского князька Лабуты, а самого взяли в плен. В бою около речки Паченки, притоке Тавды, Ермак разбил ополчение второго татарского князька Печенега. По словам летописи, сражение было столь жестокое, что трупы татар заполнили целое озеро, получившее по этой причине название Поганого. Среди убитых находился и князь Печенег. Упорное сопротивление татарских феодалов объяснялось отнюдь не приверженностью их к власти Кучума, а стремлением отстоять во что бы то ни стало свою привилегию монопольно эксплуатировать татарских и мансийских улусных людей.

Овладев низовьем Тавды, Ермак двинулся в мансийскую Кошущукую волость. Манси дружелюбно встретили

¹ Е. К. Ромодановская. Указ. соч., стр. 20.

казаков и по первому требованию доставили все имевшиеся в запасе у них меха. Ермак, никогда не упускавший случая ближе узнать страну, обычаи и нравы ее жителей, долго и подробно расспрашивал встретившегося мансийского есаула Ичимху об образе жизни местных племен. В Чандырском городке он попросил известного в этих краях шайтанщика (шамана) продемонстрировать свое умение. По рассказу летописца, шаман искусно имитировал удар ножом в свой живот и последующее чудесное врачевание полученной раны. Эти рассказы кладут новые штрихи на образ Ермака. Атаман предстает перед нами не как равнодушный к своим жертвам завоеватель, а как любознательный землепроходец, желающий все видеть и все познать.

Поднявшись далее по Тавде, отряд без боя занял Табаринский городок и вступил в область пельымских манси. С этим воинственным племенем, принесшим много бед Перми Великой, Ермак встречался раньше, когда защищал строгановские вотчины на Чусовой от набега Бегбелия Агтакова. И на этот раз встреча была далеко не дружественной. Пельымский князь Патлик заранее изготовился к бою, отправив всех женщин и детей в урочище на реку Конду. Однако сражение для воинственного князя закончилось неудачей. Почти все его воины были перебиты. О судьбе же самого Патлика летописи ничего не сообщают. Если ему не удалось спастись бегством, то, вероятно, он также бесславно кончил дни свои в этом сражении.

4 октября Ермак повернул обратно. Отряд вез с собой кроме мехов много хлеба и сушеной рыбы, полученных в ясак от табаринских и кощуцких манси. На этом закончилась боевая кампания весны и лета 1584 года. К северу и западу от Искера, по Иртышу, Оби, Тоболу и Тавде лежали подвластные Ермаку хантейские, мансийские и татарские волости. Теперь можно было обратить взор на юг, в сторону прииртышских степей, где с остатками войск в окружении многочисленной семьи своей кочевал старый Кучум.

С такими мыслями возвращался Ермак в Искер. Но в его отсутствие там произошли такие события, которые надолго задержали выполнение смелых замыслов. Отправляясь в поход, атаман, как всегда, оставил за себя в Искере Ивана Кольцо. Ему поручалось зорко охранять Старую Сибирь и внимательно следить за происками Кучума. Под командой начальника гарнизона были атаманы Яков Михайлов и Матвей Мещеряк с казаками.

10 сентября в Искер прибыл посол от бывшего ханского визиря-карачи, стоявшего где-то за рекой Тарой. Прикинувшись другом русских, карача через своего посланца принял присягу на верность московскому царю и просил оказать военную помощь в борьбе с казахскими ордами. Иван Кольцо помнил наказ Ермака всеми способами привлекать на свою сторону отложившихся от Кучума татарских князей и мурз, поэтому рад был случаю привести в подданство столь могущественного вельможу. Казачий круг решил просьбу карачи удовлетворить, отправив ему в помощь 40 конных казаков. По обычаю отряд возглавил старший из атаманов Иван Кольцо. Но, когда отряд прибыл в ставку карачи, тот вероломно напал и истребил его. Все 40 человек пали в неравной схватке или умерли от ран в татарском плену. Синодик сохранил лишь пять имен погибших: атамана Ивана Кольцо, казаков Владимира, двух Василюев и Лукьяна.

Летописец уточнил, что одному казаку все же удалось избежать смерти и сообщить в Искер о случившемся. Оставшийся старшим в гарнизоне атаман Яков Михайлов, получив страшную весть, решил немедленно отомстить коварному караче. пылая гневом, с немногими воинами поскакал он в сторону Тары, но где-то на пути попал в засаду и погиб.

Другие летописи несколько иначе повествуют об этом. По их словам, вся цепь трагических событий развертывалась на глазах Ермака. Находясь в Искере, он сам послал к караче Ивана Кольцо с казаками. При нем

бросился в необдуманый карательный набег объятый яростью Яков Михайлов. Нам кажется, такое описание не соответствует действительности. Оно в корне противоречит характеру и образу действий Ермака, так ярко проявившихся с самого начала похода в Сибирь. Активная натура атамана несовместима с той пассивной ролью, которую отводят ему в этих событиях летописи. В обычае Ермака было возглавлять самому наиболее ответственные и рискованные экспедиции. Он сам руководил дружиной во всех сражениях от Чусовой до Иртыша, сам водил казаков в походы на Обь и Тавду. По каким же причинам он теперь изменил своим привычкам и отпустил в столь опасное дело горстку казаков во главе со своим помощником?

После гибели Богдана Брязги под Абалаком Ермак лично возглавил погоню за Маметкулом и нанес ему поражение. Почему же теперь, получив весть о гибели Ивана Кольца, он не спешит сам, а позволяет Якову Михайлову предпринять столь неудачную карательную экспедицию против карачи? Ответ на эти вопросы может быть только один: начального атамана не было в Искере. Он в это время еще «храброствовал» на реке Тавде. Возвратившись в Искер, Ермак и казаки не долго отдавались горю. Лавина новых событий скоро поглотила все их силы.

Царь Иван Грозный выполнил свое обещание послать в Сибирь воеводу и стрельцов. Весной 1583 года сибирским воеводой был определен князь Семен Болховский, а товарищами (помощниками) его — письменные головы Иван Киреев и Иван Глухов. 10 мая Болховский и Киреев выехали к месту назначения. Иван Глухов, командовавший воинскими силами Пермского края, должен был присоединиться к ним в Чердыни. В Сибирь шло 100 казанских и свияжских стрельцов, 100 пермских и вятских людей и 100 человек ратных людей из других мест¹. Отряд

¹ Сибирские летописи, стр. 283.

формировался в Чердыни: Предполагалось переход за Урал совершить на конях зимой. Царь послал указ Строгановым дать воеводе для зимнего похода 50 конных казаков из своих вотчин. Скоро, однако, выяснилось, что «в Сибирь зимним путем на конях пройтить не мочно». Поход был отложен до весны, «до полые воды»¹. В связи с этим царь 7 января 1584 года указал Строгановым конных казаков не давать, а приготовить к весне 15 добрых стругов таких размеров, чтобы каждый мог поднять 20 человек с припасами². Таким образом, с воеводой Болховским отправились в Сибирь не 500 (как сообщают некоторые летописи), а только 300 стрельцов.

Воевода ехал в Сибирь той же дорогой, по которой три года назад с боями проследовала дружина Ермака, а именно: по Каме, Чусовой, Тагилу, Туре и Тоболу. Не встретив на пути никаких препятствий со стороны окрестного населения, отряд в начале ноября 1584 года прибыл в Искер³. Возможно, как предполагают некоторые историки, с ним возвратился атаман Иван Гроза, возглавлявший второе посольство Ермака в Москву. Но наши источники об этом не сообщают.

Ермак приказал встретить воеводу с подобающей его сану торжественностью, со знаменами и музыкой. Столы ломились от даров сибирских вод и лесов. Болховский по

¹ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., приложение № 8.

² Грамота 7 января 1584 года свидетельствует о том, что Строгановы не получили никаких привилегий (вопреки уверениям строгановского летописца) после похода Ермака в Сибирь. Она вновь грозит солепромышленникам опалой, если они в срок не дадут судов для рати Болховского.

³ Г. Ф. Миллер пришел к заключению, что грамота 7 января 1584 года не застала Болховского в Перми, так как он со своей ратью еще осенью 1583 года покинул Урал и в том же году прибыл в Искер. (Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 253.) Однако С. В. Бахрушин нашел, что для такого вывода нет оснований, и отнес приезд первого воеводы в Сибирь к 1584 году. (Там же, стр. 492.)

рописи объявил и выдал казакам «большое государево жалованье» — деньги, сукна и камки. В свою очередь щедрые атаманы и казаки воеводу и его товарищей «одариша драгими соболми и лисицами и всякою мяхкою рухледью, елико кто что можаху, и радости наполнишася и веселяхуся».

Болховский передал указ царя доставить пленного Маметкула, которого Ермак держал в качестве заложника, в Москву. Указ немедленно был выполнен. Позднее бывший военачальник Кучума вступил в царскую службу и показал себя отважным воеводой. В 1590 году участвовал в походе против шведов, а в 1598 году с царем Борисом Годуновым ходил на крымских татар.

Приезд воеводы не внес больших перемен в порядки, установленные казаками в Сибири. Фактическим хозяином в Искере оставался Ермак. Нам неизвестно, какие инструкции привез на этот счет Болховский, но по ходу событий можно видеть, что он не вмешивался в распоряжения властного атамана, целиком доверившись его мудрости и опыту. Принадлежа к захудалому княжескому роду, первый сибирский воевода, вероятно, рассчитывал на новом месте поправить свои материальные дела, а затем вернуться в Россию¹.

Между казаками и стрельцами очень скоро установились самые дружественные отношения. Стрельцы несли наравне со старожилыми «обереговую» службу, и летописи, описывая события, не видят между ними никакого различия.

Радость встречи была непродолжительной. Вскоре новая опасность нависла над русскими воинами. До сих пор Ермак твердо держал инициативу в своих руках. События развивались так, как хотел того атаман. Но зимой 1584/85 года обстоятельства круто изменились, и Ермак

¹ Возможно, назначение Болховского в Сибирь являлось своеобразной ссылкой неугодного царю представителя княжеского рода.

впервые, с тех пор как вступил в Сибирь, утратил инициативу.

Как выяснилось скоро, враждебные акции, предпринятые карачей осенью 1584 года, являлись звеньями широкого и, надо сказать, тонко разработанного замысла разгрома русских сил в Сибири. Карача сколачивал союз татарских феодалов, собирал под свои знамена воинственных ногаев, нападал на мелкие казацкие отряды, собиравшие ясак в хантейских и татарских улусах.

Эти действия имели своим результатом то, что подвоз продовольствия в Искер прекратился. Те запасы, которые успели сделать казаки летом и осенью, с приходом 300 стрельцов в короткое время были израсходованы, и в Искере начался голод.

Историки склонны обвинять в случившемся бедствии воеводу Болховского, который привел в Сибирь 300 хороших едоков, не позаботившись раньше снабдить их продовольствием. Но эти упреки звучат по меньшей мере наивно. Воевода не мог предвидеть, что события будут развиваться таким образом. Его уверили в Москве и на Урале в том, что Сибирь имеет достаточно собственного продовольствия, и нет нужды везти его через горы из пермских вотчин и Чердыни. Единственное, что нужно захватить за Урал, — боеприпасы и, возможно, соль. Так действительно до сих пор и обстояло дело. Ведь и Ермак, отправляясь в поход, взял с собой лишь трехмесячный запас съестных припасов, который был съеден уже на зимовке у Тагильского волока. На протяжении всего похода казаки кормились тем, что добывали сами в лесу и реках или забирали у местных жителей.

Относя голод исключительно на счет опрометчивости воеводы, исследователи не связывали его с действиями карачи по блокаде русского гарнизона в Искере. В угоду сомнительной хронологии сибирской эпопеи они разрывали во времени синхронные и взаимосвязанные факты: голод и осаду Старой Сибири татарами. В результате в их сочи-

нениях изображалась парадоксальная картина: казаки и стрельцы буквально гибнут от голода, едят трупы умерших товарищей, но ничего не предпринимают для своего спасения. Между тем, если трудно было получить рыбу и мясо в татарских юртах, воины могли их всегда добыть в лесах и водоемах. Даже в XVIII веке, когда лесные звери были уже частично истреблены в лесах по Тоболу и Иртышу, крестьяне добывали зайцев, топча их копытами лошадей. В то время существовало даже специальное промысловое выражение: «топтать зайцев лошадьми», эквивалентное словам «охотиться на зайцев»¹.

Ясно, что только жестокая блокада мешала казакам и стрельцам получить продовольствие. Карача отрезал путь не только к населенным пунктам, но и к промысловым угодьям. И это произошло не весной 1585 года, как пишут историки, а зимой 1584/85 года.

12 марта 1585 года, когда, по расчетам, русские были достаточно изнурены голодом, карача со своим войском, численно превосходящим дружину Ермака и стрелецкий полк, приблизился вплотную к Искеру, обложил его со всех сторон обозами, надеясь осадой принудить русских к сдаче. Летописцы не находят слов, чтобы выразить весь ужас страшного голода, свирепствовавшего в русском лагере. Было съедено все, что годилось в пищу: лошади, вороны, воробьи, кора поблизости растущих сосен. Голод и болезни десятками косили воинов. Умер воевода князь Болховский. Трупы зарывали тут же, у стен крепости.

Сам карача остановился в Саусканских юртах, на расстоянии семи верст от Искера. Он вполне полагался на бдительность своего заслона. Попытки казаков прорвать кольцо окружения кончались неудачей. Осада длилась более месяца. Татары, осмелев, стали появляться у город-

¹ Н. М. Карамзин объяснял голод в Искере жестокой цингой и страшными морозами, которые якобы препятствовали казакам ловить зверей и рыбу. (См.: Н. М. Карамзин, Указ. соч., т. 9, стр. 344.)

ских стен и на глазах голодных казаков располагались вокруг котлов с дымящейся молодой кониной.

Казалось, русские доживали в Искере последние дни. На открытую вылазку нечего было и рассчитывать. Едва передвигавшие ноги воины не отошли бы и сотни шагов от крепости, как неминуемо погибли бы от вражеских стрел и сабель. Ермак решился на отчаянно смелый и рискованный шаг. По его приказу 9 мая атаман Матвей Мещеряк с группой наиболее крепких воинов под покровом ночи незаметно вышел из города, прокрался мимо татарских обозов, обложивших крепость, и внезапно напал на стан карачи в Саускане. Большая часть стражи была перебита, не успев взяться за оружие. Под казацкими саблями погибли два сына карачи, но сам визирь спас жизнь бегством.

Узнав о вылазке русских, осаждавшие Искер татары бросились к Саусканским юртам. На это как раз и рассчитывал Ермак. Казаки вышли из крепости и, прикрываясь оставленными обозами, ударили по татарам с тыла. Противник оказался зажат с двух сторон. Со стороны Саускана, засев в кустах, действовали люди Мещеряка, со стороны крепости дружно палили из ружей казаки Ермака. Бой длился до полудня. Татары несколько раз пытались смять казаков и прорваться к крепости, но казаки отбивали их огнем и обращали вспять. Потеряв много людей, карача принужден был прекратить сражение и отойти «восвояся с срамом». Казаки не отважились преследовать противника и опьяненные победой вернулись в город.

Весть о поражении карачи быстро разнеслась по всем улусам. В Искер снова начали приходить князьки и мурзы с ясаком. Возобновился подвоз продовольствия, и голод прекратился. Сколько воинов погибло от голода, ран и болезней, точных сведений нет. Одни летописи сообщают, что в живых осталось только 90 казаков, другие — 150, третьи — 300 казаков и стрельцов. Последняя цифра, вероятно, больше всего соответствовала действительности.

Более двух месяцев Ермак ничего не предпринимал за пределами Искера. Но он не допускал и мысли оставить Сибирь. В июле атаман повел окрепших после голода казаков в новый поход. В Искере остались голова Иван Глухов¹ и атаман Матвей Мещеряк с небольшим гарнизоном. События последнего года показали, что главная опасность угрожает с юга. Там, в степях, кочевал хан Кучум, туда ушел после поражения карача. Поэтому круг решил отправить военную экспедицию вверх по Иртышу.

В поход отправилось 150 казаков. Первое столкновение с татарами произошло у городка знатного князька Бегиша (или Баиша), примерно на расстоянии 100 верст от Искера. Получив известие о приближении русских, Бегиш собрал значительное войско, в котором находилось и много людей карачи. Татары заняли выгодную позицию, укрепившись на возвышенном месте, но Ермак повел наступление с такой силой, что противник пришел в смятение, и победа досталась казакам. Воины были настолько жесточны, что никого из врагов не оставили в живых. Все, кто не успел бежать с поля боя, были перебиты. Заняв городок, казаки, однако, не причинили никаких обид татарским женщинам и детям. Ермак воевал только с теми, кто поднимал на него меч.

После короткой передышки отряд направился в татарские городки Шамшу, Рянчик, Салы и Каурдак. Жители их не оказали сопротивления. Только в Салах произошла небольшая стычка, закончившаяся для русских счастливо, без жертв. Население Каурдака еще до прихода Ермака скрылось в лесах.

Далее следовал городок Тебенда, где позднее возник русский Тебендинский острог. Городок принадлежал татарскому князю Елыгаю. Старый князь вел свой род от

¹ Источники ничего не сообщают о втором голове, прибывшем с воеводой Болховским, Иване Кирееве. Вероятно, он раньше еще был отпущен к Москве или умер во время голода в Искере.

ишимского хана Саргачика и считал себя знатнее и достойнее Кучума, которого презирал как пришельца и узурпатора. Летописец рассказывает, что хан Кучум, еще будучи в Искере, искал случая привлечь Елыгая на свою сторону и хотел взять его дочь в жены своему сыну, но гордый Елыгай не пожелал породниться с ханом.

Князь держался в стороне от «большой политики», и военная буря последних лет обошла стороной его улус. Войско Елыгая было невелико и служило скорее для поддержания престижа и охотничьих забав, чем более серьезным целям. Жил Елыгай безбедно, собирая ясак с улусных людей. Узнав от слуг о появлении близ городка Ермака с казаками, он сам в лучшем платье вышел ему навстречу. Кроме ясака князь преподнес атаману богатые подарки.

У гостеприимного хозяина Тебендинского городка Ермак провел несколько дней. Казакам было строго приказано не своевольничать и не обижать жителей. Елыгай проникся столь большим уважением к русскому гостю, что сам привел к нему красавицу дочь. Возможно, князем-отцом руководили более практические соображения: оградить дочь от грубоватых ухаживаний казаков или заручиться покровительством могущественного повелителя. Но суровый воин отказался принять такой «прекрасный» дар, а своим казакам запретил преследовать княжну. Это, однако, не испортило отношений, и оба — гость и хозяин — распрощались довольные друг другом.

При устье реки Ишим казаки вновь натолкнулись на сильное сопротивление. Отряд татар напал на их лагерь. Произошла рукопашная схватка, в которой погибло 5 воинов. Но победа осталась за русскими. Похоронив убитых, отряд пошел дальше вверх по Иртышу и достиг местечка Кулары. Здесь стоял сторожевой городок Кучума, некогда прикрывавший ханские владения от ногайских набегов. По всему верхнему Иртышу не было другого лучше укрепленного места. Ермак попытался взять его приступом. Пять дней бились казаки, но взять городок не могли.

Атаман решил снять осаду и двигаться дальше, надеясь покорить Куларовский городок на обратном пути.

Следующий за Куларовским городок носил название Ташаткан. Его жители участвовали в сражении у Чувашского мыса и поэтому питали особое «почтение» к казакам. Ташаткан сдался без боя, удовлетворив все требования Ермака.

Последний пункт, до которого дошел отряд, были татарские юрты Шиштамак, стоявшие у впадения реки Шиша в Иртыш. Здесь нашли прибежище многие ополченцы карачи и среди них те, которые бежали из казацкого плена. Имя Ермака на них действовало почти магически, поэтому они не пытались даже оказать сопротивления. Жители Шиштамака находились в крайней бедности, подвергаясь постоянным опустошительным набегам ногаев. Ермак отнесся к ним с чрезвычайным великодушием: не потребовал с них ясака и даже не принял от них «подарков».

Повсюду, куда заходил отряд, Ермак расспрашивал о местопребывании Кучума, но удовлетворительных сведений не получил нигде. Дальнейшее продвижение на юг, в бескрайние степи кочевников, не входило в планы атамана. Бедные кочевые племена не могли дать хорошего ясака, да и преследовать их без конницы было чрезвычайно затруднительно. Поэтому отряд из Шиштамака повернул обратно.

Вниз по течению казаки продвигались быстро. В Ташаткане они получили неожиданное известие (оказавшееся потом провокационным): где-то на реке Вагай хан Кучум задержал торговый караван, идущий из Бухары в Искер. Весть казалась правдоподобной. Бухарские купцы обычно приходили в Искер в конце лета. Правда, в последние годы военные обстоятельства прервали торговые связи с Бухарой. Но по рассказам Ермак знал, что эта торговля была весьма оживленной и способствовала процветанию края. Сибирь в обмен на меха получала из Средней Азии бумажные ткани (зендени, выбойки, хамы), каракуль, ремень (сладкий корень), лошадей и даже рабов. Поэтому дальню-

видный атаман не мог не приветствовать возобновления бухарской торговли. Отпустив часть отряда с собранным ясаком в Искер, сам с сотней казаков поспешил покончить, наконец, с Кучумом и установить в Сибири мир и спокойствие.

Слуги Ермака осторожно поднимались вверх по Вагаю. Время от времени отряд высаживался на берег, и казаки разведывали окрестности. Так дошли до урочища Атбаш (по-русски — Лошадиная голова), не встретив нигде ни бухарских купцов, ни кучумовцев. Ермак решил, что караван прошел другой дорогой или повернул обратно, и отдал приказ прекратить поиски и возвращаться.

Тем временем Кучум со своими людьми скрывался поблизости и внимательно следил за каждым шагом казаков. Никому из них в голову не приходило, что, может быть, зверолов, встречавшийся в лесу, или рыбак, которого Ермак расспрашивал о бухарцах, являлись разведчиками Кучума. Казаки без всякой предосторожности плыли по течению реки с мыслью о скором возвращении в Искер, ставший для них родным домом.

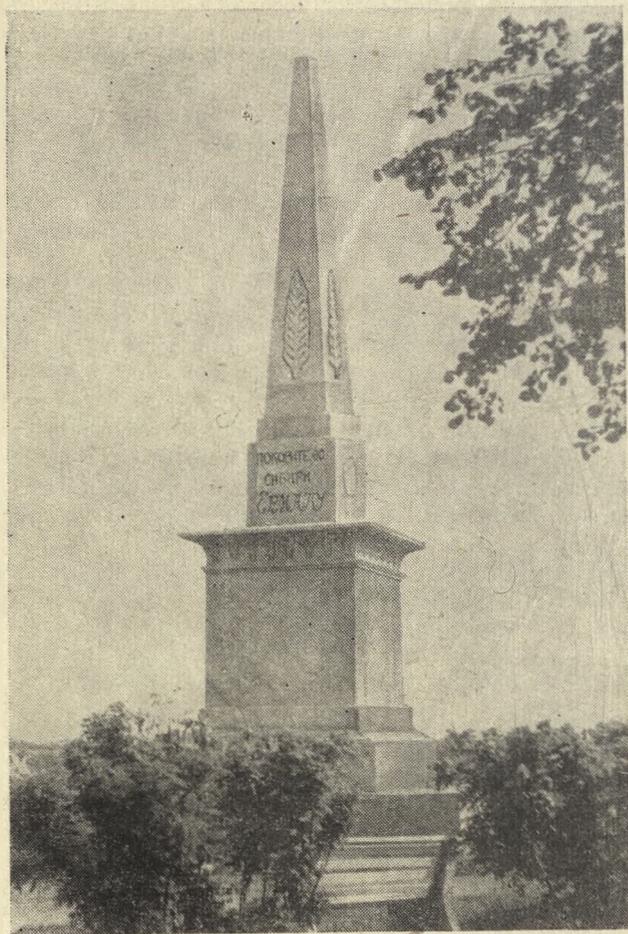
К вечеру 5 августа разразился дождь. Ермак решил сделать привал в первом подходящем месте. Такое место нашлось на небольшом островке между главным руслом Вагая и его старицей. Быстро разбили стан, поставили шатры и пологи. Зажглись костры. После короткого ужина все улеглись спать. Ермак, как обычно, приказал расставить караулы. Ночью дождь усилился. Утомленные походом воины скоро погрузились в глубокий сон. Под мерный шум дождя заснули и караульные, уверенные в полной безопасности.

Кучум с вооруженными людьми ждал глубокой ночи. Когда погасли костры и крепкий сон объял казачий лагерь, он послал разведку узнать, где можно на конях пройти через реку на остров. Летописец передает следующие подробности этой разведки. Был у Кучума воин, приговоренный к смерти за какое-то преступление. Хан приказал ему

переправиться на остров и доставить точные сведения о стане Ермака, пообещав за успешное выполнение приказа помилование. Смертник переправился через реку, осмотрел спящий лагерь и, возвратившись, сообщил обо всем Кучуму. Но тот не поверил рассказу и велел вторично переправиться в русский лагерь и для большей верности принести что-нибудь оттуда. Разведчик выполнил приказ и доставил Кучуму 3 пищали и 3 лядунки с порохом.

Хан решил больше не медлить и приступить к переправе. Под плотной завесой дождя татары вступили на остров никем не замеченные и окружили лагерь. Сам Кучум остался на берегу: Ермак даже спящим казался ему опасным. В первый же миг был уничтожен спящий караул. Словно призраки сновали кучумовцы меж казацких шатров, душили и кололи спящих людей. Шатер Ермака стоял в центре лагеря, и туда устремилась большая группа татар. Атаман оторвался от сна, когда отряд почти весь был уже уничтожен. С горсткой уцелевших воинов он стал отходить к берегу, где стояли струги. Дождь вывел из строя фитильные ружья. Ермак с товарищами саблями прорубали дорогу через массу разъяренных врагов. Уж близок был спасительный берег, когда пал последний казак и Ермак остался один. Истекая кровью, он бросился к берегу и прыгнул в ближайший струг, но, как говорят летописи, оступился и пошел ко дну, «понеже одеян бе железом в пансыре тягче». Только несколько казаков уцелело в этой битве. Возможно, они несли вахту на стругах и, увидев гибель атамана и всей дружины, под покровом темноты скрылись от преследования. Так погиб атаман Ермак.

Весть о трагедии на реке Вагай произвела на оставшихся в Искере казаков и стрельцов потрясающее впечатление. Принявший на себя командование казаками Матвей Мещеряк почтил память начального атамана и погибших с ним дружинников «помяновением велием». Печальной была эта тризна. Поминали казаки своих товарищей, а думали о своем будущем, которое представлялось безнадежным и

Памятник Ермаку в Тобольске.

мрачным. В Искере оставалось немногим более 150 воинов. С такими силами было трудно удержаться в Сибири без Ермака. Гибель атамана, не знавшего поражений и умевшего находить выход из самых сложных ситуаций, воспринималась всеми как начало конца с таким успехом начатого дела.

Смерть Ермака воскресила надежды врагов. До казаков доходили слухи, что старший сын Кучума Алей приводит в подчинение татарские улусы по Иртышу, а всех боеспособных мужчин забирает в свое войско. Было ясно, что царевич готовит поход на Искер. Пришли в колебание некоторые хантейские и мансийские князьки. У казаков кончалось продовольствие, а подвоз его из соседних улусов прекратился. По совету казачьего круга Матвей Мещеряк и голова Иван Глухов решили покинуть Сибирь.

Ранним утром 15 августа 1585 года Искер опустел. Казаки и стрельцы на судах спустились по Иртышу и старинным Печорским путем вернулись в Россию.

Автор Строгановской летописи (по списку Спасского) передает другую, столь же вероятную версию. Атаман М. Мещеряк и голова И. Глухов возвращались на родину дорогой былых побед — по Тоболу и Туре. Им встретился новый русский отряд в 100 человек под командой воеводы Ивана Мансурова, направленный правительством; объединившись под началом воеводы, оба отряда двинулись к Иртышу с целью занять Искер. Но там уже хозяйничали татары Алея. Не приставая к берегу, где им угрожало множество вооруженных татар, казаки и стрельцы поплыли вниз по Иртышу до Оби. Здесь отряд остановился, срубил «град деревян» и зазимовал. Обской городок существовал 10 лет. В 1594 году его гарнизон был переведен во вновь построенный город Сургут.

Царевич Алей не долго правил в Искере. В 1587 году, когда на берега Иртыша вернулись русские люди, в нем сидел уже тайбугин Сеид-Ахмат — сын данника Ивана Грозного князя Бекбулата, соправителя Едигера.

Поход Ермака не привел непосредственно к присоединению Западной Сибири. Оно произошло в последующие 10—15 лет силами правительственных войск. Но Ермак и его дружина совершили самое главное: результатом их дерзновенного похода был разгром Сибирского ханства — основного препятствия на пути освоения зауральских земель русским народом. Огромная заслуга принадлежит лично Ермаку, чей проницательный ум и недюжинные способности полководца сыграли большую роль в успехе кампании.

Подвиг Ермака не имел аналога в истории России. Правда, донские казаки в 1637 году по своему почину овладели турецкой крепостью Азов и держали ее в течение 5 лет, но там дело касалось только одной, хотя и мощной, вражеской крепости, расположенной под боком у войска Донского. Ермак же со своими казаками совершил поход за сотни верст от русских границ и покончил с крупным по тем временам государством — Сибирским ханством. Оценивая историческую роль Ермака, К. Маркс писал: «Последний монгольский царь Кучум... был разбит Ермаком. Так была заложена основа азиатской России»¹.

После гибели Ермака имя и дела его стали обрастать легендами, в которых вымысел настолько органично переплетался с реальностью, что подчас невозможно первый отделить от второй. К таким легендам относятся рассказы о его подвигах, включенные С. У. Ремезовым в «Историю Сибирскую». По этим рассказам, мертвое тело Ермака было найдено 13 августа у татарских Еланчинских юртов, лежащих в 12 верстах выше Абалака. Татары опознали его по дорогим панцирям. К телу атамана прибыли хан Кучум со знатными мурзами, хантейские и мансийские князья. Каждый своими глазами хотел видеть бездыханного русского богатыря, перед которым три года трепетали

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, 1946, стр. 166.

все сибирские правители, и вонзить в него стрелу из своего лука.

Труп долго лежал без погребения. Но и мертвый Ермак внушал уважение и страх своим врагам. Князя Сеид-Ахмата в Искере стали преследовать кошмарные сны, и он приказал похоронить Ермака. Место нашли под кудрявой сосной на Баишевском (Бегишевском) кладбище. По татарскому обычаю, устроили погребальный пир. Все вещи, найденные при Ермаке, разделили между собой князья и мурзы: один панцирь принесли в жертву в мольбище знаменитого хантейского шайтана в Белогорье, откуда его потом получил князь Алач, другой панцирь отдали мурзе Кайдаулу, который первым опознал тело Ермака. Князь Сеид-Ахмат взял себе кафтан атамана, а сабля с поясом достались караче.

Историк С. В. Бахрушин обнаружил в делах Сибирского приказа документы, проливающие свет на историю панцирей Ермака¹. Из них следует, что один панцирь находился у наследников Кайдаула еще в 1658 году. По описанию он выглядел так: «приметы де длинен и около грудей напереди кольца часты, напереди ж ниже пояса прострелено, испорчено одно кольцо»². Ему приписывались магические свойства: «чудотворение, болезненным исцеление, родильницам и младенцам на отогнание недугом, на войне и на промыслах удача». Поэтому Кайдаул свято хранил эту чудесную реликвию. Тайша Байбагиш давал ему за панцирь 10 семей ясырей (рабов), 50 верблюдов, 500 лошадей, 200 быков и коров, 1000 овец, но Кайдаул не пожелал расстаться с ним, а перед смертью взял со своего сына Мамета клятву, что и тот не продаст его.

В 1658 году хошотский тайша Аблай просил через своего посла в Москве прислать ему в дар панцирь Ермака.

¹ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., примечание, стр. 494—495.

² Это описание дает основание полагать, что в последней битве Ермак был смертельно ранен копьём или стрелой в живот.

С той же просьбой два года спустя прибыли послы Аблая в Тобольск. На этот раз из Москвы было предписано тобольскому воеводе купить у Мамета Кайдаулова панцирь и отослать Аблаю. Хотя за панцирь давали «цену немалую» (30 рублей), бек Мамет продать его отказался, и воевода вынужден был снять панцирь с него «неволею». В том же году стрелецкий сотник У. М. Ремезов (отец автора «Истории Сибирской») торжественно вручил его тайше Аблаю. Однако при посещении улуса Аблая бек Мамет, осмотрев панцирь, нашел, что он ничего общего не имеет с тем панцирем, который принадлежал ему. Видимо, в Тобольске панцирь подменили. Поэтому в 1668 году Аблай-тайша снова направил в Москву послов с просьбой прислать подлинный панцирь Ермака. Но, несмотря на указ из Москвы «о сыску панциря Кайдаула мурзы», он найден не был.

Судьба второго панциря Ермака достоверно не установлена. По словам С. У. Ремезова, он пропал бесследно, «и до днесь не слышится». С. В. Бахрушин высказал такую догадку¹. Этот панцирь в свое время принадлежал князю П. И. Шуйскому. В 1564 году Шуйский погиб в Ливонии, а панцирь его был взят в царскую палату.

Царь Иван IV в 1583 году передал панцирь в качестве дара сибирскому атаману. После смерти Ермака кольчуга попала в Белогорское святилище, откуда ее забрал кодский князь Алач. В 1646 году панцирь был захвачен в качестве трофея русскими воеводами в одном из обских городков и доставлен в Москву, где хранится поныне в Оружейной палате под названием кольчуги князя П. И. Шуйского. Но это всего лишь гипотеза.

Столь же гипотетическим является рассказ А. А. Дмитриева о пищалях Ермака². Со слов историка-генеолога

¹ С. В. Бахрушин. Кольчуга князя П. И. Шуйского. Сборник Оружейной палаты. М., 1925.

² А. А. Дмитриев. Роль Строгановых в покорении Сибири. — ЖМНП, 1894, № 1, стр. 32—33.

В. В. Голобцова он сообщал, что в 80—90-х годах XIX века в строгановском фамильном доме на углу Невского и Мойки в Петербурге хранилась загинная пищаль с надписью: «В граде Кергегане на реце Каме дарю я, Максим Яковлев сын Строганов, атаману Ермаку лета 1582 (7092)». Достоверность этого известия ставит под сомнение уже указанная в нем дата надписи. Ермак покинул пермские вотчины 1 сентября 1581 (7090) года и до декабря 1582 (7091) года не подавал о себе никаких вестей. Следовательно, он не мог ни лично принять строгановский дар, ни получить его через других лиц. Да и Максим Строганов в то время не знал ничего о судьбе Ермака: живет или сложил голову на поле брани. Следовательно, если такая пищаль существовала, то она была изготовлена позднее с целью задним числом продемонстрировать близость Строгановых к увенчанному славой герою.

Ряд легенд связан с могилой Ермака. Но достоверность содержащихся в них положительных сведений проверить невозможно, так как никаких исторических документов на этот счет не имеется. Место, где покоится прах атамана, видимо, навсегда останется для потомков неразгаданной тайной.

ПО СЛЕДАМ ЕРМАКА

Ермак проложил дорогу в Сибирь и положил начало ее присоединению к России. Дальнейшие события, развернувшиеся на той же исторической сцене, на которой действовал отважный атаман, не были такими драматическими. В Москве о гибели Ермака узнали по прибытии письменного головы Ивана Глухова. Царь Федор приказал послать в Сибирь новое войско с целью возвратить утраченное. Руководство кампанией было поручено воеводам Василию Сукину и Ивану Мясному да письменному го-

лове Даниле Чулкову. Летом 1586 года русские отряды вышли на Туру и 29 июня на месте старой Чимги заложили город Тюмень. На следующий год Данила Чулков с отрядом служилых людей спустился по Туре и Тоболу и на берегу Иртыша близ памятного Чувашского мыса поставил город Тобольск. Среди строителей и защитников его были Ермаковы казаки с атаманом Матвеем Мещеряком и Черкасом Александровым.

15 верст разделяли Тобольск и Искер. Первое время Д. Чулков и Сеид-Ахмат зорко наблюдали друг за другом, не предпринимали враждебных действий. Сеид-Ахмат всеми средствами укреплял свое положение: вступил в союз с казахским ханом Тевкелем, привлек на свою сторону карачу. Развязка наступила на следующий год.

В 1588 году князь Сеид-Ахмат, оставив в засаде большое войско, с сотней вооруженных людей подошел к Тобольску якобы для переговоров о мире и торговле. Его сопровождали карача и племянник казахского хана Ураз-Мухамед. Воевода Чулков, не подав вида, что разгадал хитрость, пригласил Сеид-Ахмата и его спутников в город. Разрешено было также войти в крепость татарским войнам, но без оружия.

В воеводском доме знатных гостей усадили за стол. Казаки тем временем занимали воинов хана. Во время пира было выпито много вина. Мирные переговоры вели только для вида, а вскоре вообще оставили их, перейдя к перебранке. Чулков обвинял гостя во враждебных замыслах и нарушениях присяги, данной его отцом Бекбулатом и дядей Едигером русскому самодержцу. Сеид-Ахмат как мог отводил эти обвинения и сам, в свою очередь, упрекал воеводу за сооружение крепости на ханской земле без его позволения.

Чтобы положить конец подозрениям, Чулков предложил выпить по большой чаше вина за здоровье царя и сам подал первый тому пример. Но князь отказался поддержать тост. Воевода истолковал отказ как доказатель-

ство враждебных намерений татар. По его знаку казаки в миг обезоружили и связали Сеид-Ахмата, Ураз-Мухамеда и карачу. В то же время татарские воины, вошедшие в город, были частью перебиты, частью пленены. Казаки под командой Матвея Мещеряка бросились на татар, заставших в засаде. Удар был настолько неожиданным и ошеломляющим, что противник, несмотря на численное превосходство, не выдержал и обратился в бегство. Во время преследования погиб последний атаман дружины Ермака Матвей Мещеряк¹. Вообще же потери русских были незначительны.

Татары без боя оставили Искер. Некоторые из них ушли в степи, а большая часть рассеялась по улусам. С тех пор столица ханства больше никем не заселялась. Опустевший город постепенно разрушился. Даже мыс, на котором стояла Старая Сибирь, со временем почти полностью был смыт Иртышом.

Последних правителей Искера Чулков отправил в Москву. Так было покончено с попыткой восстановить Сибирское ханство. Правда, еще кочевал по степи хан Кучум, но большой опасности он не представлял. Не говоря уже о простых улусных людях, все мурзы отвернулись от него, и старый хан, насколько хватало сил, мстил им грабительскими набегами. Летом 1590 года он подошел близко к Тобольску, но вся доблесть его проявилась лишь в том, что убил несколько татар и с захваченной добычей бежал в степь. В другой раз Кучум совершил набег на татарские волости по верхнему Иртышу. После ряда стычек, в которых хан неизменно терпел поражения², он бежал к кал-

¹ Сибирские летописи, стр. 90. Сведений о судьбе атамана Ивана Грозы не имеется. Последний раз летописи упоминают о нем в связи с посольством в Москву. В Синодике Ермаковым казакам его имя не значится.

² Окончательное поражение Кучум потерпел в битве 20 августа 1598 года на Оби в двух днях пути от озера Ика. По русским известиям, в бою пали 6 князей, 10 мурз, 150 служилых людей, 100 татар

мыкам, где и был убит по приказу из Бухары¹. Так бесславно сошел со сцены «Кучум-богатырь, царь сибирский».

С ликвидацией Сибирского ханства началось широкое освоение Сибири русским народом. Через 50 лет после похода Ермака русские дошли до Байкала, через 60 лет — до Охотского моря, через 70 лет — до Берингова пролива. Заселяя Сибирь, русские люди несли в этот малозаселенный и необжитой край более высокую материальную и духовную культуру. Трудом крестьян, посадских и служилых людей в Сибири были созданы пашенное земледелие, ремесла, строились деревни и города.

В этот подвиг созидания внесли свой вклад и воины Ермака. Как говорилось выше, большинство из них вернулось в Сибирь с первыми русскими воеводами. Они участвовали в походах против степных кочевников и ставили города и остроги. В челобитной грамоте казак Гаврила Иванов в 1623 году писал, что служил России 42 года, с тех пор как «с Ермаком Сибирь взяли и Кучума царя с куреня збили», ходил с воеводой Андреем Воейковым в поход на Обь против Кучума, под началом воеводы Назарья Изъединова бился с татарами Алея и брал последнего в плен, ставил Тюмень, Тобольск, Тару, Пелым, Томск, собирал ясак с кузнецких татар².

Еще в 1632 году сподвижники Ермака служили в Тобольске в пеших казаках и составляли «старую сотню» с атаманом Г. Ильиным во главе. Несмотря на давнюю службу и прежние заслуги, пишет П. Н. Будинский, эти казаки не пользовались никакими особыми привилегиями; рядовые из них получали такое же денежное и хлебное жалованье, как и «новоприборные» пешие казаки: по 5 рублей

утонули в Оби, 50 — взяты в плен и повешены. В плен были взяты 5 сыновей Кучума, 8 ханских жен, 8 дочерей, 2 невестки с 5 внуками и внучками хана.

¹ Русская историческая библиотека, т. II, стр. 282.

² Там же, стр. 400—402.

денег, по 5 четвертей ржи и по 4 четверти овса. Они не роптали на свою судьбу и не подавали челобитных на увеличение жалованья. Но когда именно в 1632 году царь Михаил Федорович указал быть над ними начальником тобольскому сыну боярскому Б. Аршинскому в качестве головы, а не атамана, то они отправили в Москву прошение о том, чтобы царь «за прежние их службы и за кровь велел ведать их по-прежнему атаману Гаврилу Ильину, а не Богдану Аршинскому, чтобы им государевы службы не отбыть и врознь не разбрестися»¹.

Прошло полвека как погиб Ермак, но его казаки ревниво оберегали традиции, сложившиеся во время похода. Они настояли перед царем оставить у них старого выборного атамана. Казакам, разумеется, было почетнее служить под началом своего собрата старейшего казака «старой сотни» Гаврилы Ильина, чем под командой выходца из Литвы Б. Аршинского, сосланного за какое-то преступление в Тобольск.

Безрадостными были последние дни славных ратников Ермака. Те из них, которые не сложили головы на поле брани, доживали век свой в монастыре или богадельне, куда привели их «увечья, раны, убожества»². В казне не нашлось средств для того, чтобы обеспечить безбедную старость ветеранам сибирского похода.

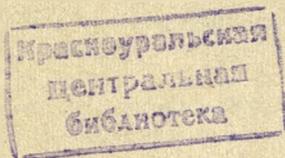
Зауральская эпопея XVI века — героическая страница истории России. Имя ее героя навсегда осталось в памяти народной. В Тобольске, на Чукмановом мысу, стоит морской обелиск. На постаменте с западной стороны, обращенной к России, начертаны слова: «Покорителю Сибири Ермаку». На гранях обелиска вырезаны пальмовые ветви, на цоколе — венки с датами начала похода в Сибирь и

¹ П. Н. Будицкий. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, стр. 109.

² В. Д. Назаров. Указ. соч., стр. 116.

гибели Ермака¹. 16-метровый монумент возвышается над Княжим лугом, где ныне раскинулась нижняя часть города. Его хорошо видно с Чувашского мыса, у подножия которого почти четыре века назад решались исторические судьбы Сибири. Он повествует потомкам о мужестве, отваге и бескорыстном служении Родине замечательного русского землепроходца и воина.

¹ Памятник сделан на Горнощитском заводе под Екатеринбургом по проекту академика архитектуры А. П. Брюллова, брата известного живописца. Воздвигнут в Тобольске в 1838 году. На памятнике указаны две даты: 1581 г. — начало похода в Сибирь, 1584 г. — год гибели Ермака. В настоящее время принято считать годом смерти Ермака 1585-й.

Дмитрий Игнатьевич Копылов
ЕРМАК

Редактор И. Шакинко
Художник Г. Метелев
Художественный редактор Я. Черников
Технический редактор Н. Зауолкова
Корректор А. Усольцева

Сдано в набор 18/XII 1973 г. Подписано в печать 11/IV 1974 г. НС 31056. Бумага типографская. Формат 70×108¹/₃₂. Уч.-изд. л. 5,78+0,03 вкл. Усл. печ. л. 5,25+0,03 вкл. Тираж 30 000 экз. Заказ 554. Цена 28 коп. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

К55

Копылов Д. И.

Ермак. Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1974.

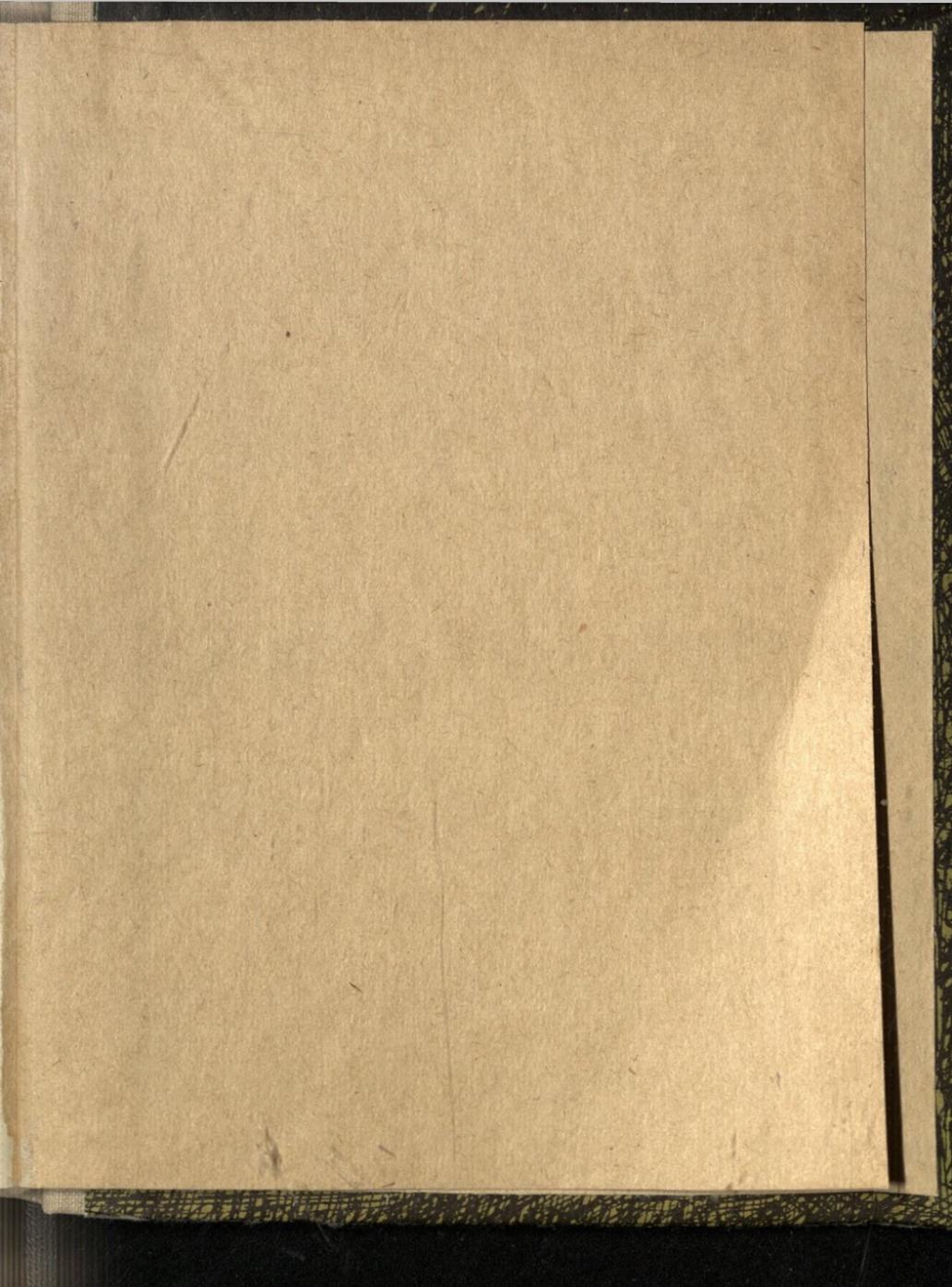
120с.; 1 л. портр.

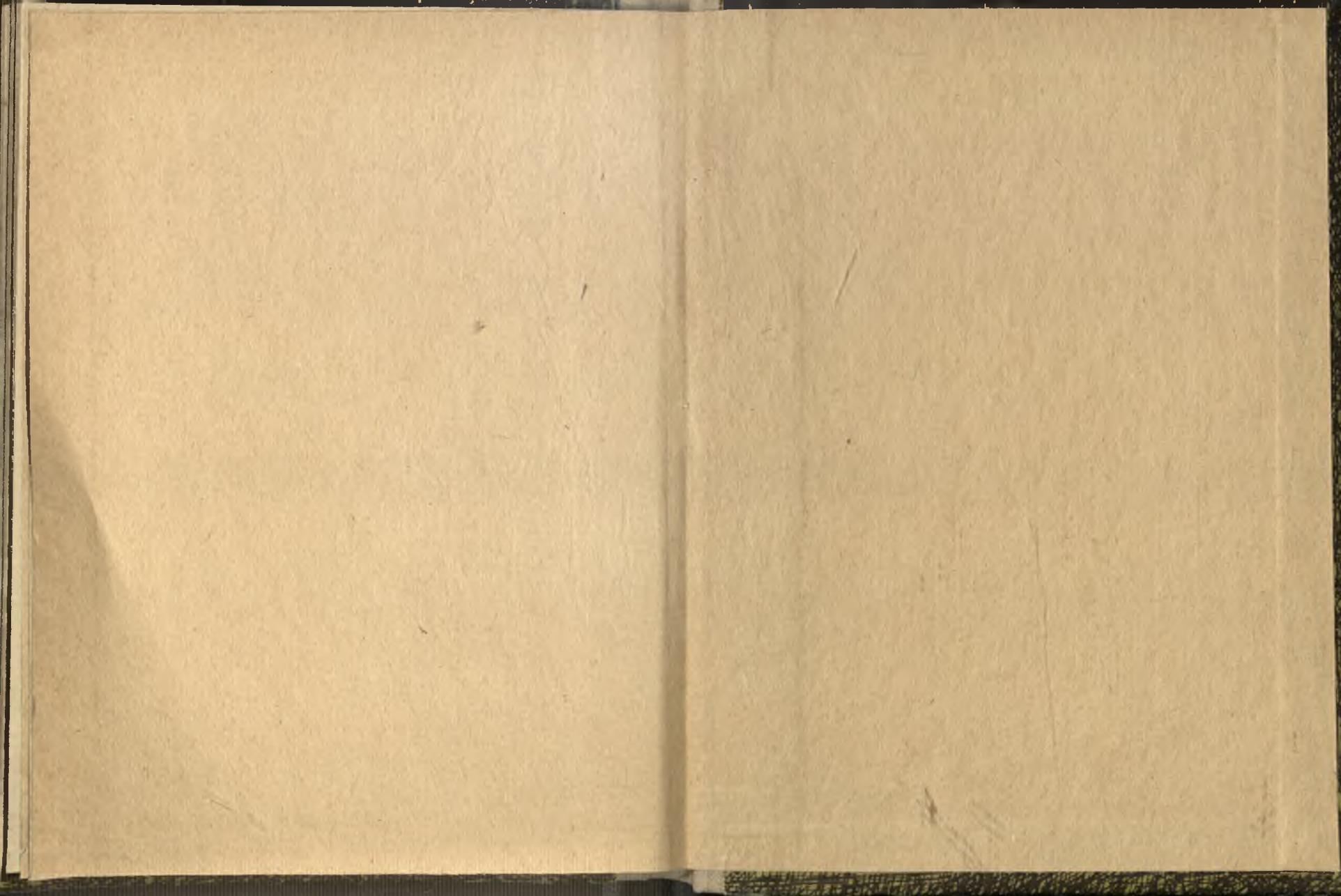
Книга о личности Ермака и его знаменитом походе в Сибирь, написанная историком и основывающаяся на современных положениях исторической науки.

Для широкого круга читателей.

К $\frac{66-080}{M 158(03)-74}$

9(c17)

28 коп.

Свердловск
Средне-
Уральское
Книжное
Издательство
1974